

ПРОТИВ РАБСТВА AGAINST SLAVERY

газета Что делать? / выпуск 33 / Октябрь / 2011 /// newspaper Chto Delat? / issue 33 / October 2011

Этот номер газеты **Что делать?** посвящен ситуации, складывающейся вокруг трудовой миграции. Эта тема сегодня оказывается в центре не только российской, но и мировой политики. В новом глобализованном мире, перемещение массы людей для борьбы за свое существование достигло никогда не виданных ранее масштабов. Говорить на тему миграции очень сложно, так как мы оказываемся, тут же втянуты в самые невероятные спекуляции — фигура мигранта, как когда то фигура еврея, становится главным синонимом опасности, загрязнения, угрозы и прочее. Расисты и националисты всех стран объединяются, чтобы защитить привычное пространство нации, расы, этноса от нашествия чужих и их простые и понятные лозунги находят все больше приверженцев. Мы это видим и на примеры либеральных демократий в Европе и новых законов введенных отдельных американских штатах, где лозунги националистов находят широкую народную поддержку.

Людям всегда непросто дается сосуществование разных языков, обычаев, культур. При этом (по точному наблюдению британского социолога Paul Gilroy) «простые» люди, (так редко предоставленные самим себе), как правило, учатся и умеют вырабатывать особые, свои собственные, нормы товарищеского сосуществования при котором пресловутые «сущностные» различия преодолеваются в неожиданном каждодневном создании общего пространства жизни. В этой ситуации дежурные обвинения в адрес «простого» народа в росте ксенофобских настроений выглядят часто, как презрительная позиция привилегированного класса, сталкивающегося с этнической самобытностью, в основном, на уровне приятных кулинарных различий кухонь разных стран. Именно этот правящий класс — говорящий и правящий (будь это неоллибералы или консерваторы) сегодня порождает и поощряет мракобесные формы ксенофобии и национализма, освещающие стигматизацию и исключение тех, у кого нет голоса, чтобы заговорить о своем положении.

Левые интернационалисты в этой ситуации роста ксенофобии продолжают заклинать дух интернационализма, проникнувшись которым все должны сразу обрести любовь и солидарность со всеми кто приехал. Риторика отмены границ (no border) работает также малоубедительно, как и старые призывы к коммунизму и нам, тем кто хочет развивать идеи равенства и освобождения

человека, требуется большая работа чтобы изменить эту ситуацию. Чтобы «воскресить наследие радикальной универсальной эмансипации» (как пишет Жижек) нам требуется кардинально пересмотреть текущую ситуацию и попробовать сделать шаг из плена пост-колониального и имперского сознания. Но сделать это не так просто — войны продолжаются, различие уровней жизни между первым и третьим миром всё возрастает и каждый из этих миров по новому колонизирует друг друга, производя трущобы внутри благополучных европейских городов и оазисы роскоши в пустынях Ближнего Востока и опустошенной Сибири. Подобная ситуация во многом по новому провоцирует неприятие любого освободительного проекта и его артикуляции в языке культуры, как очередной проекции гегемонии благополучного западного человека.

Поэтому сегодня в России, как и везде, может быть поставлена скромная задача, как нас призывает к этому Ален Бадью, просто уважать людей труда и особенно трудящихся мигрантов, так как они подвергаются двойной эксплуатации, при том, что всё наше сегодняшнее благосостояние во многом основано на их постоянном, незримом труде. Это присутствие рядом оказывается постоянно объектом презрения и игнорирования, как и присутствие с нами на одной планете миллиардов людей третьего мира, которые делают всю грязную работу для нас, чьи страны отравлены ядовитыми производствами и, тех кто собственноручно обеспечивают своим рабским трудом наш прекрасный консьюмеристкий расцвет, который не хочет знать пределов и границ.

Задача интеллектуала и художника постоянно вскрывать эти ситуации неравенства, но не для мазохистских целей раскаянья и опеки, а для того постоянно напоминать обществу о том, что если у нашей планеты есть будущее, то оно общее и мы должны учиться строить его сообща. Как раз этот вопрос и ставит под сомнение всю сложившуюся систему капиталистических отношений и заставляет искать путей её преодоления.

This issue of Chto Delat deals with migrant labor, an issue today at the center of not only Russian, but also world politics. Although our world has always been “globalized,” the numbers of people migrating in order to better their existence, whether economically or otherwise, are unprecedented. Discussion of this issue is complicated by the fact that we immediately find ourselves on slippery terrain occupied by the shadowy figure of the immigrant, who like the Wandering Jew in its time has come to function as a synonym for danger, contamination and the alien per se. Racists and nationalists of all stripes and lands rally round (so to speak) this fictional villain as they defend the supposedly homely but no less fictional spaces of nation, race and tribe from invasion by aliens. Judging by recent election results in certain “liberal democratic” European countries and legislative innovations in US states such as Arizona and Georgia, the “commonsensical” and “down-to-earth” slogans and prescriptions of the tribalists really are sometimes capable of generating a “groundswell” of “grassroots support.”

Some people have always found it hard to share their homelands, hometowns and neighborhoods with different languages, skin colors, and ways of understanding world, self and community. However, it is all too easy to accuse “the common folk” of being the source and support of xenophobic sentiments. As British sociologist Paul Gilroy has argued, when left to their own devices the “working classes” and “common folk” (whatever their “primary” tribal allegiances) are just as often capable of creating a “convivial” existence together, a life where each person’s allegedly essential difference informs and shapes a totally unexpected common good, a new commons. In reality, it is more often the liberal (or, now, neoliberal) talking and ruling classes, whose experience both with conviviality and the (non)realities of ethnic difference is frequently limited to a fondness for certain cuisines and holidaymaking in the global south, who shape the xenophobic and nationalist agenda via the media they produce and control, via the obscurantist norms and repressive laws they promulgate in the public space. It is this “common sense” from above that is the main instrument for stigmatizing and excluding people who sometimes lack the right language to tell us both about their plights and their joys, who frequently lack the right papers to exercise their individual civil rights and their collective right to struggle for a better lot in life.

Amidst this latest flowering of xenophobia, leftists often invoke the spirit of internationalism, which is supposed to immediately infect everyone with love and solidarity for the newcomers. Just like the old appeals for communism, the slogan “No Borders!” is not enough for those of us who want to popularize and implement the ideas of equality and emancipation. To resurrect the legacy of radical universal emancipation (as Žižek writes) we need to fundamentally reassess the world we have made and attempt step by step to free ourselves from the prison of post-colonial and “post-imperial melancholy” (as Gilroy calls it).

But this task is not simple. Wars, hot and cold, rage around us. The difference in living standards between the first and third worlds grows, and each of these worlds “colonizes” the other, producing Mogadishu-like slums amidst the west’s great cities, and oases of luxury and refinement in the deserts of the Middle East. These contradictions can and do provoke a radical rejection of any emancipatory project, especially when it comes dressed in the idioms of culture, art and critical thought, often perceived as the latest projection of a faltering western hegemony. That is why today, both in Russia and elsewhere, we need to set ourselves the “modest” task outlined by Badiou: to loudly and visibly manifest our respect for working people, especially immigrant workers. They are doubly exploited, even though our present prosperity is largely underpinned by their ceaseless, invisible labor. Their presence in our midst is an object of scorn and neglect, just like the uncomfortable fact that we share the same planet with billions of people in the Third World who do our dirty work, whose countries are poisoned by our toxic factories, and whose own essentially slave labor provides us with our beautiful consumerist idyll, an unsustainable (anti)utopia incapable of recognizing limits and borders.

We imagine that intellectuals, artists, and all other people of good will and sound mind should constantly expose these fundamental inequalities. Collective repentance and charity are probably wonderful things, but they are beside the point here. The real point is that if our planet is to have a future, it can only be a common future. And this common future will be possible only if we learn how to build it in common. By trying to figure out how we can do this, we immediately call into question the current capitalist system and force ourselves to seek ways of moving beyond it.

Кирилл Медведев

Welfare state и мультикультурализм:

Двойственное наследие

Хотя все антинеолиберальные кампании сегодня, естественно, апеллируют к утрачиваемым достижениям welfare state, понятно, что ни сам этот феномен в прежнем виде, ни связанный с ним особый идейно-психологический климат, замешанный на осмыслении нацистской катастрофы, колониального прошлого Европы и национально-освободительной борьбы в Третьем мире, уже не вернутся. Тем яснее проявляются некоторые свойства и противоречия этой системы сегодня, в период её краха, заставляя заново осмысливать и феномен активной солидарности времен Алжира и Вьетнама и пассивную толерантность, пришедшую в неолиберальную эпоху и основанную скорее на чувстве вины европейской интеллигенции за колониализм и нацизм, чем на солидарной равноправной борьбе в духе универсалистского проекта 60-х. Мультикультуралистская политика сосуществования разных культурных форм и идентичностей вполне соответствовала этому пассивному чувству.

Мультикультурализм как идеология, конечно, был не специально изобретен буржуазией для разделения трудящихся, а естественным образом зарождался в антирасистских движениях, в кампаниях за гражданские права, требовавших признания культурных различий, без чего невозможна борьба за общие эгалитарные цели. Культурные и разнообразие «стилевые» различия обрели самоценность когда общие цели стали более смутными, а потом и рассеялись вовсе, что, безусловно, сыграло на руку обновленным элитам. Это печальный для левых, но исторически объяснимый процесс – нечто похожее происходило и с постмодернистскими теориями: рожденные послевоенной радикальной интеллигенцией как орудие подрыва традиционных «белых» и мускулистных концепций мира, на фоне спада радикального движения они утратили свою революционность, сформировав скорее новую интеллектуальную конъюнктуру, раздражающую активистов, далекую от их повседневной практики, а в чем-то и действительно работающую на сохранение status quo.

Подобная двойственность была с самого начала свойственна и европейскому welfare state, которое, с одной стороны, стало итогом борьбы рабочего и левого движения, с другой стороны, устраивало буржуазию в той степени, в которой повышение благосостояние рабочих стимулировало потребительский рынок. Такая двойственность чем дальше, тем больше отражалась и в социальной политике: одним группам иммигрантов были уготованы неквалифицированные рабочие места, другие загонялись в рамки диаспор, за пределы институционализированного трудового процесса и соответствующих ему практик борьбы и солидарности. Формировалась относительно небольшая прослойка профессиональных «угнетённых», порождая популярный миф о тех, кто «приезжает и сидит на наших пособиях». Но так или иначе компромисс между экономическими интересами элит и моральным фактором (чувством ответственности послевоенной и постколониальной Европы за свою историю) выдерживался, и леволиберальный идеологический проект работал – пока имел экономические основания.

После вхождения Восточной Европы в Евросоюз и на фоне непрерывного экономического кризиса эти основания постепенно исчезают. Справедливая по сути идея восстановления справедливости по отношению к исторически пораженным в правах народам и меньшинствам начинает восприниматься (не без оснований) как атака против большинства, страдающего от провальной экономической политики вне культурных и life style разделений. Как сообщает «Российская газета», лишь 13% (против 58%) жителей Литвы одобряют выплату правительством республики компенсацию еврейской общине за недвижимое имущество, экспроприированное нацистским оккупационным режимом и национализированное в годы Советской власти. Такая же ситуация в Латвии, политики которой на фоне экономического краха в свою очередь требуют компенсации у России за годы тоталитаризма и т.д. Результат такого восстановления справедливости в разных странах один – пополнение крайне правого электората, плюс популистские нападки на мультикультурализм со стороны западноевропейских топ-политиков.

Всему этому мороку, по правде говоря, очень хотелось бы противопоставить утопическую позицию, в которой никаких исторических комплексов и никаких претензий не существует. И нам действительно необходим свой «конец истории», своя утопическая постистория, в которой уже как бы нет никакой исторической вины, никто никому ничего не должен, все равны и сообща строят новый мир на обломках капитализма. Разумеется, без оговорки прилагать её к современности опасно: получится либертарианский миф о равенстве

всех как индивидуумов, как потенциально равноправных участников рыночного обмена уже сегодня. Но ведь мы знаем, что никакого равенства не существует – что прошлое и настоящее колониализма, империализма, мирового разделения труда висят цепями на большинстве жителей земного шара, и все надежды на то, что шестые либерального капитализма разобьет эти цепи, не сбылись и не могли сбыться. Однако если исходить только из этого, тогда одни будут обречены на бесконечное воспроизводство комплексов по поводу имперского и колониального прошлого, другие на патологическую реакционную гордость по тому же поводу, третьи – на воспроизводство миноритарных позиций; и все будут, разумеется, апеллировать к государству, а то, в свою очередь, будет разделять и властвовать, руководствуясь своими новыми корпоративными интересами.

Поэтому расставаясь с welfare state как одной из несовершенных форм общего блага, всем нам (и тем, кто ещё надеется на восстановление прогрессивной роли государства, отстаивающего интересы большинства, и тем, кто считает, что это невозможно в принципе,

приводя в качестве очередного примера неолиберальный провал европейской социал-демократии) ещё придется думать о новом проекте всеобщего, о новой универсалистской модели, уже не основанной ни на общности индустриальных производственных практик, ни на пассивно разделяемых «европейских ценностях» толерантности и мультикультурализма.

История продолжается, именно поэтому лично мне упомянутая постисторическая утопия кажется настолько необходимой. Истории не будет конца, пока в ней разворачиваются, взаимодействуя, сталкиваясь, ища снятия или компромисса два родовых свойства человека, возникшие на заре его истории, на этапе выделения из животного мира: воля к самоопределению с одной стороны и воля к преодолению отчуждения через солидарность, взаимопомощь, коллективное социальное творчество с другой. Эти импульсы определяют и развитие каждой отдельной традиции: борьба человека и сообщества за самоопределение порождает прогрессивную, освободительную – универсальную и «всеобщую», развернутую вовне сторону культуры и наоборот, борьба тех или иных групп или фигур за присвоение, укрепление и сохранение власти порождает замкнутую локальную форму, выражающуюся в церемонии и ритуале. Поэтому тот факт, что сложное и многозначное содержание любой духовной культуры может оборачиваться в определенных исторических ситуациях и конкретных сообществах, скажем, угнетением женщин или меньшинств (кстати, гомофобия была импортирована колонизаторами многим не знавшим ее народам как одна из тогдашних «европейских ценностей»), разумеется, не должен смущать нас и загонять в мультикультуралистскую ловушку из страха ущемить чью-либо культурную идентичность. Такая абсолютизация

культурных различий – безусловно негативное наследие мультикультурализма: если любые различия нужно принимать и терпеть, то в тот момент, когда некоторые из них различия становятся нестерпимы, культурные несовпадения без проблем превращаются в «противостояние цивилизаций» и т.п.

Вряд ли может помочь и расхожее противопоставление «либеральной» толерантности и «левой» солидарности как взаимоисключающих позиций. Ведь солидарность как базовая эгалитарная ценность с одной стороны, терпимость к различиям с другой, и самоопределение сообщества, к которому человек себя причисляет, с третьей, безусловно, находятся в неразрывной, динамической связи. Претендуя на универсалистское видение, считая, что борьба против экономического отчуждения касается всех и каждого, мы никуда не уйдем от необходимости осознать себя в терминах своего сообщества, прослойки, культуры. Настаивая на солидарности как базовой эгалитарной ценности, мы не избежим необходимости терпеть, уважать, признавать различия. Память сообществ об угнетении, унижении, репрессиях – та память, которую научились сохранять и пестовать на послевоенном и постколониальном Западе, нужна не для абсолютизации различий и не для превращения их в фактор бизнеса, а для освобождения от них, для – кажущегося сегодня еще более тяжелым, чем 40 лет назад – прорыва в общее будущее.

Кирилл Медведев, поэт, переводчик, музыкант, член Российского Социалистического Движения, редактор Свободного Марксистского Издательства, живет в Москве

Hito Steyerl

Right in Our Face

There is something deeply disappointing about the contemporary moment: it projects the past into the future.

I recently met some emigrants from Germany. I am not talking about émigrés who left in the 1930s to escape National Socialism. The people I met quietly decided they could no longer put up with Germany's endless, debilitating, and deeply racist debates on immigration, and left the country in which they had been born and lived most their lives. These so-called debates had been going on at least since the early 1980s, when anti-Turkish graffiti started appearing in the streets. Fueled by the so-called reunification in 1989, racist riots became the norm throughout the 1990s. I still vividly recall the accounts of a television crew in Rostock trapped in the elevator of a burning hostel for Vietnamese guest workers that had been attacked by a fascist mob for days on end—to the great amusement of the police forces standing by.

All of these quite practical acts of violence were greatly supported and even applauded by elites, who took every opportunity to express doubts about ethnic minorities' genetic makeup, inherited lack of intelligence, inbred fanaticism, and perceived failure to assimilate. We cannot neglect the fact that contemporary racism is eminently class-driven: it has its stronghold not in the working class, but in middle classes panicked by global competition, as well as in elites, who use the opportunity to deflect from growing social inequality by dangling the prospect of race-based subsidies for the working classes. Jacques Rancière's recent refutation of the phantasm of an assumed working-class passion for racism is an extremely important tool of analysis here. [1] Popular racist passion is seen as a primordial affective expression to be respected at any cost—and conveniently enables politicians to create racist policies to "acknowledge" them. But in effect, these passions are greatly exaggerated to allow room for middle and upper class racism to safely indulge itself, all the while remodeling the former First World as a defensive and resentful fortress. A bastille devastated from the inside by the delayed effects of shock capitalism, which have finally hit home. [2]

The German "debates" around immigration—of which the latest edition is just one minor and rather irrelevant example—haven't changed much over time. The only change has been Germany's switch to being a net emigration country after aggressively influencing Schengen policies to shut out migrants and refugees almost entirely. Recent hostility is thus directed against resident minorities, as there are hardly any more immigrants worth speaking of. While the country has been at the vanguard of post-1989 racist violence, it has recently been overtaken by other zealous candidates for mainstreamed hostility, such as Russia, with its recent, massive skinhead riots against minorities.

This is the disavowed legacy of 1989: a violent right-wing backlash, which not only threatens minorities but dismantles what remains of the public sphere—as well as the idea of society as such—by redistributing massive amounts of wealth from the poor to the rich, from the public sector to the private sector, from education, culture, and healthcare to subsidies for selected "capitalists" protected from market competition.

من نجيب، مهاجر عراقي نشأت في بغداد ثم فطن في سنين، مهاجر خطه يتفارق أتم

Ахмед
Бемени
из Арганистана,
Он не работает
но-русску.

to ask them to choose between wealth and racism, a substantial majority would go for racism. Given the multitude of sobering situations, another definition of the contemporary has become urgent. We might take our cue from Giorgio Agamben, who has described the contemporary as a figure who intimately perceives the obscurity of the present:

The contemporary is the person who perceives the darkness of his time as something that concerns him, as something that never ceases to engage him. Darkness is something that more than any light turns directly and singularly toward him. The contemporary is the one whose eyes are struck by the beam of darkness that comes from his own time. [3]

In the French version, this last phrase is imbued with an additional meaning: Contemporain est celui qui reçoit en plein visage le faisceau de ténèbres qui provient de son temps. [4]

The French faisceau means "bundle," and its Latin root fasces is also the origin of the word fascism. "Fascism" refers to the bundle of lictors, who were magisterial bodyguards in Roman times. This bundle became not only the symbol of Italian Fascists, but also of the French Republic. Le faisceau, the bundle symbolizing the power over life and death, is also the sign of the overlap between fascism and democracy. It is a beam that projects darkness, but there is no screen to mediate its impact. It's right in our faces. The dark beam is the hallmark of a transition that is gradual and nonlinear rather than categorical and teleological—one we might cautiously term post-democratic.

Writer Boris Buden has compared this transition to the old philosophical problem of sophism. How many hairs does one have to lose to be considered bald? Or, in political terms: How much civility can the public sphere lose without lapsing into fascism? How much fear among minorities and how much radical neoliberal pauperization is permissible for societies to still qualify as democracies? To translate back to the language of sophism: Can ten remaining hairs still make a hairy head? Seven? Or even five? In other words: At what point do whole societies become skinheads? At what point does the politics of "more of the same" lapse into the militant call for more sameness?

Миллионером заработават,
чтобы вернуть своих друзей
обсуждают их друзей.

ТОЛЬКО НЕ
ПИШИТЕ В ВАШЕЙ
ПАСПОРТЕ, ЧТО МОИ—
«ЧУРКИ»

The extremely efficient cooperation between elites and mobs that kicked off after 1989 would become even more successful in the Austria of the new millennium, where the so-called Freedom Party (FPÖ) managed to enter a government coalition in an infamous tactical move by the conservative Austrian People's Party (ÖVP). Since then, the extreme-right wing has happily poisoned the public sphere to an unbelievable extent, installing "special camps" for refugees and conjuring spirits of crusaders and Waffen-SS "camaraderie" to propagate their militantly racist agenda. And I am very consciously not talking about anti-foreigner policies, because these debates have never been about non-citizens, but have chronically targeted ethnic and cultural difference and indigenous minorities such as Austrian Slovenes and the Jewish community. None of the manifold revelations of the neo-fascist parties' increasingly eccentric corruption scandals—hoarding bribe money in Swiss bank accounts, the multi-billion Euro crash of Hypo Alpe-Adria-Bank as part of the criminal privatization of former Yugoslavia, or the cash-filled bags gifted by Saddam Hussein to lubricate anti-Semitic male bonding—have deterred any voters. Now led by an even more openly fascist new leader, the FPÖ still enjoys around 30 percent of votes, as a recent election in Vienna has shown. The infatuation with fascism among large parts of the population has not wavered. Were one

First published at <http://www.e-flux.com/journal/view/210>

Footnotes:

1. See Jacques Rancière at <http://mrzine.monthlyreview.org/2010/ranciere230910.html>.
2. This is also why resistance comes first from these devastated places.
3. Giorgio Agamben, "What Is the Contemporary?" in *What Is an Apparatus?* (Stanford: Meridian, 2009), 45.
4. Giorgio Agamben. A close reading of this phrase with reference with its resonances to cinematic and video projection seems urgent as well, but cannot be accomplished within the scope of this text.

Hito Steyerl is a filmmaker and writer. She teaches New Media Art at University of Arts Berlin and has recently participated in Documenta 12, Shanghai Biennial, and Rotterdam Film Festival.

Хито Штайерль

Прямо нам в лицо

Есть что-то глубоко разочаровывающее в современном моменте: он проецирует прошлое в будущее.

Недавно я встретила с эмигрантами из Германии. Я говорю не об émigrés, бежавших от национал-социализма в 1930-х. Люди, которых я встретила, тихо решили, что они больше не в силах терпеть бесконечные, изматывающие, расистские в своей основе дебаты об иммигрантах, и уехали из страны, в которой они родились и прожили большую часть своей жизни. Эти так называемые дебаты не утихают с начала 1980-х, когда на улицах немецких городов стали появляться антитурецкие граффити. Усилившись после так называемого воссоединения Германии в 1989 году, в 1990-е расистские беспорядки стали нормой. Я до сих пор хорошо помню рассказы телевизионной съемочной группы в Ростке, оказавшейся в лифте горящего общежития для вьетнамских рабочих во время нападения на него фашиствующих молодчиков – к немалому изумлению полиции, стоявшей рядом.

Все эти вполне реальные акты насилия нашли поддержку и сочувствие у элит, которые

при каждом удобном случае выражали сомнения в умственных способностях этнических меньшинств, организации их генетического материала, врожденном фанатизме и неспособности к ассимиляции. Мы не можем игнорировать тот факт, что современный расизм имеет явную классовую подкладку: его опорой является не рабочий, а средний класс, напуганный глобальной конкуренцией, равно как и элиты, использующие возможность уклониться от проблемы растущего социального неравенства благодаря заигрыванию с перспективой расово обусловленных субсидий для рабочих. Здесь для анализа крайне важным подспорьем может послужить

недавнее опровержение Жака Рансьера фантазма о предполагаемой страсти рабочего класса к расизму [1]. Популярное расистские настроения рассматриваются как исконное аффективное выражение, которое следует уважать любой ценой, что, в свою очередь, позволяет выстраивать расистскую политику их официального «признания». Однако на самом деле эти настроения сильно преувеличиваются ради того, чтобы средний и высший классы могли спокойно предаваться самооправданию и одновременно позиционировать бывший Первый Мир как своего рода обороняющуюся крепость. Бастион, опустошенный изнутри замедленным воздействием шокового капитализма, попавшим наконец-то в цель [2].

Немецкие «дебаты» вокруг иммиграции – последнее издание которых является всего лишь второстепенным и не самым релевантным примером – не претерпели особых изменений. Единственное изменение – это то, что Германия превратилась в страну с нулевым балансом миграции, агрессивно повлияв на Шенгенскую политику и практически перестав пускать мигрантов и беженцев, так что нынешняя враждебность направлена почти исключительно на постоянно проживающие на ее территории меньшинства. Если недавно Германия находилась в авангарде расистского насилия, то сегодня она уступает пальму первенства другим странам, таким как Россия, с ее массовыми расовыми беспорядками и нападениями скинхедов на национальные меньшинства.

Таково дезавуированное наследие 1989 года: яростная реакция справа, не только угрожающая меньшинствам, но и демонтирующая остатки публичной сферы (равно как и идею общества как такового), перераспределяя огромное количество богатства в пользу богатых за счет бедных, в пользу частного сектора за счет государственного, за счет образования, культуры и медицинского обеспечения – ради субсидий избранным «капиталистам», защищенным от рыночной конкуренции.

Крайне эффективное взаимодействие элит и ультраправых молодчиков, начавшееся после 1989 года, окажется еще более продуктивным в Австрии нового тысячелетия, где так называемой Партии Свободы (FPÖ) удалось войти в коалиционное правительство благодаря постыдной тактике консервативной австрийской Народной Партии (ÖVP). С тех пор ультраправые успешно отравляют публичную сферу, организуя «специальные лагеря» для беженцев и вызывая дух крестовых походов и «братства» на манер Ваффен-СС, чтобы пропагандировать свою воинственную расистскую программу. Причем я сознательно не говорю о враждебной к иностранцам официальной политике, поскольку эти дебаты никогда не касались неграждан, но неизменно имели своей мишенью этнические и культурные различия и местные меньшинства, такие как австрийские словенцы или еврейские общины. Ни один из многочисленных коррупционных скандалов, связанных с неонацистскими партиями, – хранение предназначенных для подкупа денег на счетах швейцарских банках, многомиллиардный крах Нуро Alpe-Adria-Bank'a как часть преступной приватизации бывшей Югославии или мешки с наличными, врученные Саддаму Хуссейну, дыбы подмазать антисемитские мужские узы, – не отпугнул голосующих. Возглавляемая сегодня еще более открыто профашистским новым лидером, FPÖ по-прежнему набирает около тридцати процентов голосов, как показали недавние выборы в Вене. Увлеченность фашизмом у большей части населения никуда не делась. Если предложить их выбрать между богатством и расизмом, значительное большинство выберет расизм.

Учитывая множество грустных обстоятельств, мы остро нуждаемся в ином определении современности (и современника). Путеводную нить мы можем найти у Джорджо Агамбена, описывающего современника как того, кто глубоко ощущает темноту настоящего: «Современник – это человек, который ощущает темноту своего времени как нечто такое, что его затрагивает, как нечто, что не перестает его привлекать. Темнота есть нечто такое, что больше, нежели любой свет, направлено прямо и исключительно на него. Современник – это тот, чьи глаза заморожены лучом темноты, который исходит из его собственного времени» [3].

Во французской версии последнее предложение окрашено дополнительным смыслом: Contemporain est celui qui reçoit en plein visage le faisceau de ténèbres qui provient de son temps [4]. Французское faisceau означает «фасцию», «пучок прутьев с секирой», и его латинский корень fasces является также корнем слова «фашизм». «Фашизм» отсылает к пучку прутьев с секирой, которые в древнем Риме были атрибутом ликторов, осуществлявших

Моя зовут
Шошета

Я думаю, что бы
Мои дети научились
у меня, чтобы
быть рыбами.

Бывший
муж моей
в 33 я автомат
и чья моего
брат
одна рука попала
в руку, вторая – в секиру
у нас нет ни
закона, ни
полиции

правосудие. Фасция стала символом не только итальянских фашистов, но и Французской республики. Le faisceau, пучок прутьев с секирой, символизирующий власть над жизнью и смертью, является также знаком частичного совпадения между фашизмом и демократией. Это луч, проецирующий темноту, но нет экрана, который опосредовал бы его импульс. Он бьет нам прямо в лицо. Темный луч – это признак перехода, перехода постепенного и нелинейного, а не резкого и целенаправленного – такого, который мы из предосторожности можем назвать постдемократическим.

Писатель Борис Буден сравнил этот переход со старой философской проблемой софизма. Сколько волос должно выпасть, чтобы считать человека лысым? Или, переводя на политический язык: сколько гражданских добродетелей может утратить публичная сфера, чтобы не скатиться в фашизм? Сколько страха среди меньшинств и сколько радикальной неолиберальной пауперизации допустимы для обществ, чтобы все еще именоваться демократическими? Переводя это снова на язык софизма: могут ли десять оставшихся волосков называться прической? А семь? А пять? Иными словами: в какой момент целые общества становятся бритоголовыми? В какой момент политика «больше стабильности и единства» опускается до воинственного призыва к большему единообразию?

Перевод с англ. Александра Скидана

1. Jacques Rancière. Racism: A Passion from Above (<http://mrzine.monthlyreview.org/2010/ranciere230910.html>).
2. Потому-то и сопротивление приходит сначала из этих разоренных мест.
3. Giorgio Agamben. What Is the Contemporary, in What Is an Apparatus? (Stanford: Meridian, 2009), 45.
4. Giorgio Agamben, "Qu'est-ce que le contemporain," in Nudités (Paris: Payot et Rivages, 2009), 28. Кроме того, в этой последней фразе также важны отсылки к опыту восприятия кино и видео.

какая? [имя]

ЭТО
НАЧАЛЬНИК БРИГАДЫ
КОРЕЙСКИХ
СТРОИТЕЛЕЙ

Kirill Medvedev

The Welfare State and Multiculturalism: An Ambivalent Legacy

Although all of today's anti-neoliberal campaigns naturally appeal to the waning achievements of the welfare state, it is clear that neither this phenomenon in its previous form nor the specific ideological and psychological climate in which reflection on the Nazi catastrophe, Europe's colonial past and the national liberation struggles in the Third World were entangled, will ever return. Certain qualities and contradictions of this system are thus manifested more clearly today, during its collapse, forcing us to reinterpret both the active solidarity demonstrated during the period of the Algerian War and the Vietnam War, and the passive tolerance that has come to the fore during the neoliberal period, a tolerance based rather on the European intelligentsia's sense of guilt over colonialism and Nazism than on a solidaristic, equally empowered struggle for rights inspired by the universalist project of the sixties. The multiculturalist politics of the *coexistence* of different cultures and identities has been fully in keeping with this passivity.

As an ideology, multiculturalism was not specially devised by the bourgeoisie to divide workers, but emerged naturally within the anti-racist movements, in campaigns for civil rights that demanded the recognition of cultural differences, a recognition in whose absence the struggle for common, egalitarian goals is impossible. Cultural and other "stylistic" differences acquired inherent worth when common goals became more obscure and, later, dissipated altogether, something that definitely played into the hands of the renewed elites. This process, a source of sorrow for leftists, is historically explicable. Something similar happened with postmodernist theories: conceived by the post-war radical intelligentsia as a weapon for subverting traditional "white" and masculine conceptions of the world, they forfeited their own revolutionary sense when the radical movement collapsed. They have rather developed into a new intellectual fashion that irritates activists insofar as it is distant from their everyday practices and in some regard really does function to preserve the status quo.

This ambivalence was also from the outset inherent to the European welfare state. On the one hand, it was the product of the struggle waged by the labor and the leftist movements; on the other, it suited the bourgeoisie to the degree that improving the well-being of workers stimulated the consumer market. As time went by, this ambivalence also came to be reflected in social policy: certain groups of immigrants were consigned to menial jobs, while others were herded into diasporas and thus removed from the institutionalized labor process and the corresponding practices of struggle and solidarity. A relatively small stratum of professional "victims of oppression" emerged, giving rise to the myth about immigrants who "come to our country and live on the dole." But one way or another a compromise between the economic interests of elites and the moral factor (post-war and post-colonial Europe's sense of responsibility for its own history) was maintained, and the liberal-leftist ideological project functioned – that is, as long as it had an economic basis.

After the accession of Eastern European countries to the European Union and in light of ceaseless economic crisis, this basis has been gradually disappearing. The essentially fair idea of restorative justice for historically oppressed peoples and minorities has come to be regarded (not without foundation) as an attack on the majority, who suffer from catastrophic economic policies irrespective of cultural and lifestyle distinctions. *Rossiiskaya Gazeta* reports that only 13% of Lithuanians approve of the Lithuanian government's payment of compensation to the Jewish community for real estate expropriated by the Nazis during the wartime occupation and nationalized during the Soviet period, as opposed to the 58% who are against such payments. The situation is similar in Latvia, whose politicians, amidst an economic collapse, have in turn demanded compensation from Russia for the years of totalitarian rule. The result of such restorative justice in various countries is the same: a swelling of the ranks of extreme rightist voters and populist attacks on multiculturalism by leading Western European politicians.

If truth be told, one would very much like to oppose this entire mess with a utopian stance utterly bereft of historical complexes and grudges. And we really do need our own "end of history," our own utopian post-history in which there is no longer any historical guilt, no one owes anyone anything, everyone is equal, and together they build a new world on the ruins of capitalism. Of course, to apply this post-history to the current period without reservations would be dangerous: we would end up with the libertarian myth of the equality of all people as individuals, as potentially equal actors in the market exchange *right now*. But in fact we know that no equality exists. We know that the past

and present of colonialism, imperialism and the global division of labor weigh like chains on the majority of the earth's inhabitants, and that all the hopes that the march of liberal capitalism would break these chains were not and could not be realized. However, if this is our *only* basis, then some will be doomed to the endless reproduction of complexes over the imperial and colonial past; others, to pathological reactionary pride for the very same reasons; while still others will be condemned to repressing minoritarian stances. And all these groups will certainly appeal to the state, which in turn will divide and rule, guided by its new corporate interests.

So in parting with the welfare state as an imperfect form of the common good, all of us (both those who still hope to restore the state's progressive role in defending the majority's interests, and those who believe this is fundamentally impossible, pointing to the neoliberal ruination of European social democracy as the latest example) still have to contemplate a new project of the *universal*, a new universalist model no longer based either on common industrial practices or the passively shared "European values" of tolerance and multiculturalism.

History continues, and that is why I personally find the post-historical utopia I have mentioned above necessary. There will be no end to history as long as two of humanity's qualities as a species, qualities that emerged at the dawn of its history, during the phase of its separation from the animal world, continue to play out within this history, interacting, colliding, and seeking abolition or compromise: the will to self-determination, on the one hand, and the will to overcome alienation through solidarity, mutual aid, and collective social creativity, on the other. These impulses also determine the development of any particular tradition. The struggle of individual and community for self-determination gives rise to culture's progressive, emancipatory, universal and outwardly directed aspect. On the contrary, the struggle of one or another group to assume, solidify and preserve power gives rise to the closed, local form of culture expressed in ceremony and ritual. So the fact that under certain historical circumstances and within specific communities the complex, multivalent content of any spiritual culture can result in, say, the oppression of women or minorities (incidentally, homophobia was imported by colonialists as a then-"European value" to many peoples unfamiliar with it) should not of course confuse us, driving us into this multiculturalist trap for fear of encroaching on someone's cultural identity. This absolutization of cultural differences is certainly a negative legacy of multiculturalism: if any and all differences must be accepted and tolerated, then when certain differences become intolerable, cultural disparities are easily transformed into a "clash of civilizations" and so forth.

The stereotyped opposition between the mutually exclusive stances of "liberal" tolerance and "leftist" solidarity is unlikely to be of aid here, for solidarity as a basic egalitarian value, tolerance of differences, and the self-determination of the community in whose ranks the individual counts herself are things that are inextricably, dynamically connected. While laying claim to a universalist vision and believing that the struggle against economic alienation affects everyone and everything, we can never get away from the need to recognize ourselves in terms of our own community, stratum, and culture. While insisting on solidarity as a basic egalitarian value, we cannot avoid the need to tolerate, respect and recognize differences. The communal memory of oppression, humiliation and persecution – the memory that people have learned to preserve and foster in the post-war and post-colonial west – is something we need not in order to absolutize differences and turn them into a factor of business, but in order to liberate ourselves from them, to do something that seems even more difficult than it did forty years ago – to make the breakthrough into a common future.

Kirill Medvedev is a poet and translator, founder of Free Marxist Publishing House, member of Russian Socialist Movement (ex. Vpered), lives in Moscow

Ольга Житлина. Настольная игра:

Россия – страна возможностей

Эта игра метод рассказать о возможных сценариях судеб миллионов мигрантов, ежегодно приезжающих на заработки в Российскую Федерацию из бывших советских республик Центральной Азии.

Наша цель – дать играющим ощутить себя «в шкуре» иностранного рабочего, прочувствовать все риски и возможности, понять соотношение игры случая и личной ответственности, и таким образом ответить на такие вопросы-обвинения в адрес мигрантов как, например: «Почему они работают нелегально?», «Зачем они соглашаются на такие условия?».

Сдругой стороны, только описав лабиринтообразную схему правил, обманов, бюрократических препон и ловушек, по которой устроена миграция в сегодняшней России, мы получаем общее видение того, как можно действовать внутри этой схемы, и того, что в ней необходимо изменить. Больше всего нам хотелось бы, чтобы эта игра стала документом историческим.

Olga Zhitlina The board game:
Russia – The Land of Opportunity

This board game is a means of talking about the possible ways that the destinies of the millions of immigrants who come annually to the Russian Federation from the former Soviet Central Asian republics to earn money play out.

Our goal is to give players the chance to live in the shoes of a foreign worker, to feel all the risks and opportunities, to understand the play between luck and personal responsibility, and thus answer the accusatory questions often addressed to immigrants – for example, “Why do they work illegally? Why do they agree to such conditions?”

On the other hand, only by describing the labyrinth of rules, deceptions, bureaucratic obstacles and traps that constitute immigration in today’s Russia can we get an overall picture of how one can operate within this scheme and what in it needs to be changed. We would like most of all for this game to become a historical document.

Actors, agencies, and documents: Migration card, registration, work permit, Private employment agencies, foreman, intermediary firm, outsourcing (outstaffing) company, Ethnic diasporas, civil rights organizations, temporary detention center, “legal services,” etc.

Действующие лица, инстанции, документы и понятия:

Миграционная карта

документ, подтверждающий факт пересечения границы. Заполняется в частности самолете или аэропорту. Действительна до оформления регистрации.

Регистрация (уведомление о прибытии)

должна оформляться мигрантом по месту его проживания в Р. Ф. в течение 7 дней с момента прибытия. Действительна в течении 90 дней.

Разрешение на работу

документ, подтверждающий право мигранта работать по определенной специальности на конкретное юридическое лицо в рамках квоты на привлечение иностранной рабочей силы. По закону выдается только УФМС. Годовое разрешение на работу дает право оформления регистрации у работодателя на этот же срок.

Частные агентства занятости

широко рекламируются, в частности СМИ Таджикистана, обещая оформить все необходимые документы и найти работу и в России. Замечены в мошенничестве, обманывая или подвергая мигрантов риску попадания в рабство или условия сверхэксплуатации.

Бригадир

лидер группы мигрантов, уже побывавший в России, знакомый или родственник. Берет на себя обязательства по оформлению документов, поиску и организации работы и быта, взамен оставляет себе часть совокупного заработка бригады.

Фирма-посредник

В Петербурге действует множество полу-легальных фирм-посредников, предлагающих мигрантам свои услуги в оформлении разрешений на работу, постановке на миграционный учет, содействие в прохождении медицинской комиссии. Зачастую они выдают фальшивые документы или просто берут деньги за услугу и не выдают никаких документов. За время ожидания срок регистрации обычно истекает, и мигрант оказывается на нелегальном положении. Впрочем, иногда эти фирмы оформляют действительные разрешения на работу, что свидетельствует о наличии неофициальных связей этих фирм с УФМС – единственной гос. структурой, уполномоченной выдавать документы. К услугам фирм-посредников прибегает до 90 процентов мигрантов.

Аутсорсинговая (аутстаффинговая) компания

посредническая контора, занимающаяся наймом иностранной рабочей силы для предоставления ее в аренду крупным компаниям (сетевым магазинам розничной торговли, автозаправочных станций и др.). Формально является работодателем мигранта и выплачивает ему зарплату из средств, полученных от реального работодателя. В результате правовая связь между работодателем и исполнителем работ оказывается нарушенной. Такая схема позволяет крупным компаниям уходить от налогов, экономить на социальных гарантиях и

эксплуатировать мигрантов, вводя ненормированный рабочий день (до 16 часов в сутки) без больничных и выходных, вводя систему незаконных штрафов, а аутсорсинговые компании распоряжаются зарплатой тысячу человек по своему усмотрению. Характерный сценарий – выплата зарплаты не раз 30, а раз в 45 дней. Сумма долга постоянно растет и при увольнении не выплачивается.

Национальные диаспоры землячества либо объединения по этническому признаку, лидеры которых могут обещать оказывать посреднические услуги за определенное вознаграждение.

Правозащитные организации оказывают безвозмездную юридическую помощь мигрантам и занимаются мониторингом ситуации в области прав человека.

Центр Содержания Иностран-ных Граждан

специальное учреждение для лиц подлежащих выдворению из Р.Ф. вследствие утери документов, подтверждающих личность. В ЦСИГ можно провести до года.

«Адвокатские услуги»

Форма коррупционных взаимоотношений работников МВД либо УФМС с мигрантами, ожидающими выдворения. За определенную сумму (от 30000 до 70000 рублей) мигранту предлагают «обжаловать» выдворение либо просто выпустить на свободу.

Правила игры:

Играют от 2 до 6 игроков

Каждая клетка - ход.

ромбовидные клетки - обязательные.

Квадратные и прямоугольные - игровые - перемещение по ним происходит с помощью броска кубика на то количество клеток, которое выпало на кубике.

Если число на кубике число большее, чем количество оставшихся перед вами клеток, переместитесь на следующую клетку.

Перемещение по клеткам происходит по стрелкам.

Если после клетки, на которой Вы стоите – значок кубик, бросьте кубик и переместитесь по стрелке, номер которой совпал с выброшенным числом.

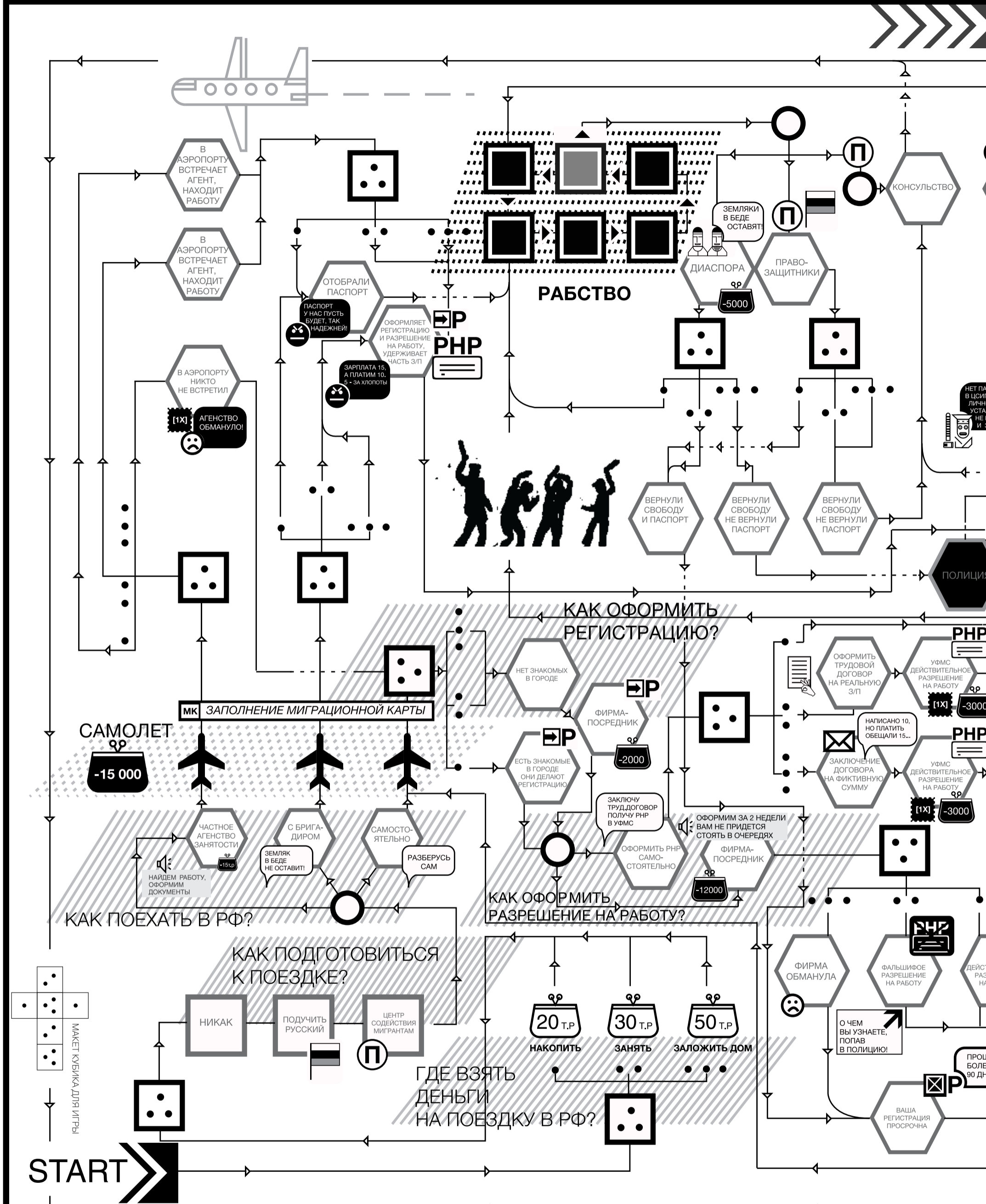
Если после клетки, на которой Вы стоите – значок кружок, Вы должны выбрать одну из клеток по стрелкам самостоятельно.

При попадании на клетку «Полиция»:

- если у Вас есть действительное Разрешение на Работу, знание Русского Языка и своих Прав, Вас отпускают – Вы делаете следующий ход
- если у Вас есть действительное Разрешение на Работу, но Вы не знаете Русского Языка – пропуск 1 хода и – 1 т. р.
- если у Вас недействительное Разрешение на Работу – пропуск 1 хода и – 3 т р
- если у Вас фальшивый штамп о пересечении границы – переместитесь на клетку «Тюрьма»

При попадании на клетку «Рейд УФМС»

- если Ваше разрешение на работу в порядке и Вы владеете Русским Языком – пропуск хода
- если Ваше разрешение на работу в порядке, но Вы не владеете Русским Языком – пропуск хода и – 5 т. р.
- если Ваше разрешение на работу фальшивое – пропуск хода и – 5 т. р.
- если у Вас фальшивый штамп о пересечении границы – переместитесь на клетку «Тюрьма»

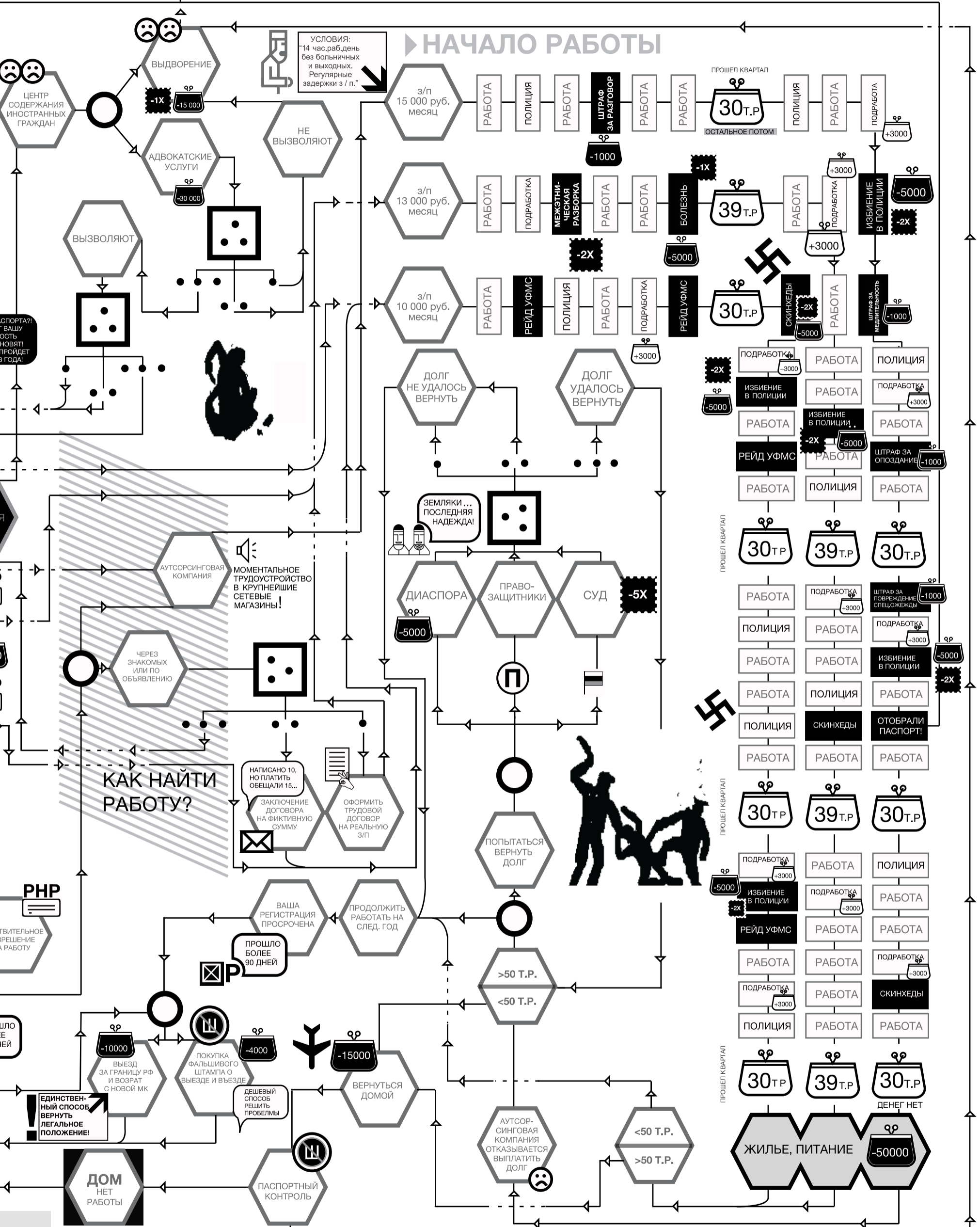

START

- ВЫБОР
- ☲ КУБИК
- МК МИГРАЦИОННАЯ КАРТА
- РНР РАЗРЕШЕНИЕ НА РАБОТУ
- Фальшивое РАЗРЕШЕНИЕ НА РАБОТУ
- П ЗНАНИЕ СВОИХ ПРАВ
- Фальшивый ШТАМ О ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГРАНИЦЫ
- 12000 50 т.р. КОЛ-ВО ДЕНЕГ
- ТРУДОВОЙ ДОГОВОР НА РЕАЛЬНУЮ З/П
- ➔P РЕГИСТРАЦИЯ
- ☒P ПРОСРОЧЕНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ
- [1X] ПРОПУСК ХОДОВ
- 🇷🇺 РУССКИЙ ЯЗЫК

РОССИЯ - СТРАНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

НАСТОЛЬНАЯ ИГРА О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Ежегодно, становясь жертвами описанной системы, страдают тысячи человек.

Источник: АДЦ Мемориал, Спб 2010-2011. Эксперт Андрей Якимов.

НАД ПРОЕКТОМ РАБОТАЛИ:

Андрей Якимов (консультирование, разработка концепции)
 Ольга Житлина (идея, разработка концепции)
 Александр Лях, Галина Житлина (разработка)
 Давид Тер-Оганян (рисунки)
 Татьяна Александрова,
 Надежда Воскресенская (дизайн)

ТУРЬМА

Иван Овсянников

Левый ответ на миграционный вопрос

Тема миграции не часто поднимается российскими марксистами. Когда же очередной взрыв антииммигрантских страстей ставит этот вопрос в повестку дня, левые, как правило, ограничиваются общими декларациями в духе интернационализма и гуманизма. Между тем, простого опровержения ксенофобных мифов или констатации той очевидной истины, что проблемы, связанные с миграцией являются порождением капитализма явно недостаточно для противодействия националистической пропаганде и предрассудкам. Необходима программа, противостоящая как ультраправым, так и неолиберальным «решениям» миграционного вопроса.

Разделяй и властвуй: ксенофобия и трудовой демпинг

Культивирование ксенофобии в среде трудящихся – одна из древнейших и эффективнейших стратегий угнетателей. Как она действует, легко показать на небольшом примере из профсоюзной практики. Южнокорейская корпорация, производящая автокомплекующие, построила завод в депрессивном районе, страдающем от разрухи и безработицы. Столкнувшись со сверхэксплуатацией, нарушением элементарных трудовых прав и хамским отношением иностранных и российских менеджеров, рабочие решили объединиться в профсоюз. Действуя запугиванием и репрессиями, руководство компании подавило попытку самоорганизации, сократив число профсоюзников до изолированной горстки активистов. При этом одним из главных средств устрашения служила угроза массовых увольнений и найма «гастарбайтеров».

Не довольствуясь словесными угрозами, администрация завода начала реализовывать их на практике. За несколько месяцев количество рабочих-мигрантов из Средней Азии выросло на производстве в несколько раз, в то время как прием местных жителей практически прекратился. Как в коллективе, так и в городе стала нарастать неприязнь по отношению к приезжим.

Корни этой неприязни понятны. «Гастарбайтеры» воспринимаются рабочими как нежелательные конкуренты на рынке труда. Полностью зависимые от работодателя, купленные им представителями власти, мигранты готовы работать за более низкую плату, вкалывать от зари до зари, по выходным и праздникам. Неприхотливость выходцев из сельских районов Средней Азии, где ликвидация крупных хозяйств и деиндустриализация привели к поистине чудовищной нищете, делает их идеальным объектом эксплуатации.

Ощущая социальное превосходство над «равшанами и джамшутами», местные также чувствуют всю зыбкость этого превосходства. А поскольку страх потерять работу, отсутствие успешного опыта коллективных действий, неверие в собственные силы мешают им выступить против работодателя, гнев обращается против тех, кто еще более забит и бесправен.

К этому присовокупляются и другие факторы – культурные. Так, антисанитарные условия, в которых – отчасти, по вине работодателей, отчасти в силу вынесенных с родины привычек – находятся мигранты, часто вызывают брезгливость по отношению к ним со стороны россиян. Например, на том предприятии, о котором только что шла речь, местные работники требуют отдельной посуды для мигрантов, питающихся в заводской столовой, опасаясь заразиться гепатитом и другими опасными болезнями. Раздражение вызывает и низкая квалификация приезжих – за брак, отставание от плана расплачиваются все. Языковой барьер, как и обособленность групп «гастарбайтеров», так же не способствуют сближению.

Возможна ли солидарность?

Классический левый ответ на вызовы трудовой миграции состоит в том, что трудящиеся-граждане и мигранты должны сообща бороться против эксплуатации, требуя равных прав, оплаты и условий труда. Подход этот принципиально верен. Никакие полицейские меры, никакие квоты на привлечение иностранной рабочей силы (которые лишь увеличивают долю нелегалов) и, разумеется, никакой националистический террор не способны пресечь работорговлю, коль скоро сохраняется спрос на дешевую и бесправную рабочую силу. Наоборот, чем более забитыми, изолированными от остального общества являются иностранцы, тем выгоднее их труд российскому и транснациональному капиталу. Однако простого пожелания солидарности трудящихся вне зависимости от страны происхождения явно недостаточно для того, чтобы эту солидарность осуществить. Очевидно, что на пути протестной самоорганизации мигрантов, их вовлечения в рабочее движение стоит множество труднопреодолимых препятствий – как объективных, так и субъективных. Прежде всего, это слабость борющихся профсоюзов, пока еще не охвативших даже сколько-нибудь заметные слои сравнительно высокооплачиваемых и квалифицированных рабочих современных производств. Находящиеся в гораздо более уязвимом положении категории: работники депрессивных предприятий и сферы услуг, заёмные рабочие и мигранты, вероятно, смогут примкнуть к организованному движению лишь после того, как более передовые слои рабочего класса покажут им примеры успешной борьбы и обретут силу, достаточную, чтобы защитить слабейших. Впрочем, какой бы безнадежной ни казалась задача профсоюзной агитации среди «гастарбайтеров» на предприятиях со смешанным составом рабочих, вести ее необходимо. Не вовлекая в свои ряды заемников и мигрантов, передовые профсоюзы обречены пребывать под перманентной угрозой, сдерживающей, а то и полностью пресекающей их развитие.

Вышесказанное, однако, вовсе не значит, что мигранты, представляющие наиболее угнетенную часть рабочего класса, не способны к самостоятельному сопротивлению и должны рассматриваться исключительно как «штрейкбрехеры» или ведомые. Достаточно вспомнить героическую забастовку 2005 года на «Дон-строе» в Москве или другие, менее известные стачки строительных рабочих в Екатеринбурге (2008) и на острове Русский в Приморском крае (2011). Во многом эти события напоминают протесты, характерные для 90-х гг. Во всех перечисленных случаях причиной остановки работ стала невыплата зарплаты. Стачки вспыхивали стихийно и не привели к возникновению каких-либо устойчивых форм организации. По всей видимости, если протесты рабочих-мигрантов будут иметь место, то в форме спорадических радикальных вспышек, которые могут воздействовать на политику властей, но вряд ли окажут существенное влияние на развитие рабочего движения в России.

Однако организация трудящихся-мигрантов на производстве не является единственно возможной формой борьбы. Проблемы, связанные с миграцией, волнуют широкие слои населения России. Тот факт, что эта «поляна» сегодня целиком занята ультраправыми, должен не отпугивать левых, а побуждать их к выдвижению альтернативной программы решения миграционного вопроса. Ксенофобной риторике Движения против нелегальной иммиграции необходимо противопоставить позицию, которую можно было бы охарактеризовать как новый аболиционизм – движение против рабства.

Новый аболиционизм. наброски к программе левых

Излюбленным «антифашистским» аргументом либералов является указание на то, что мигранты полезны и необходимы для выполнения «черной», непрестижной работы, на которую не согласится ни один москвич или петербуржец. Сам факт существования целого сектора трудовых отношений, где царят рабство и нищета, за пределами даже для привычных ко всему россиянам, протеста не вызывает. К «равшанам и джамшутам» призывают относиться терпимо, но не более того.

В действительности для существования обширной области, по сути, рабского труда нет никаких объективных оснований, кроме жадности корпораций, эксплуатирующих дешевые людские ресурсы

периферии бывшего СССР. Сверхприбыли, заграбастываемые тесно связанным с властной верхушкой строительным бизнесом вряд ли нуждаются в подчеркивании. Однако эксплуатация труда мигрантов получила наибольшее распространение именно в строительной индустрии. Аналогичная ситуация наблюдается и на новых промышленных предприятиях, принадлежащих ТНК. Так, по данным Межрегионального Профсоюза Работников Автопрома (МПРА), на ряде предприятий-поставщиков, входящих в систему «Хендэ» количество рабочих-мигрантов на производстве составляет 70-80%. И это притом, что в 2011 году эта корейская корпорация вышла на первое место среди иностранных автопроизводителей в России по числу проданных автомобилей.

Когда популисты из ДПНИ предлагают «вести визовый режим и охраняемые границы с государствами Средней Азии и Закавказья», они, разумеется, «забывают» о том, что депрессивные районы с огромным уровнем безработицы имеются и на территории самой России – достаточно вспомнить о российской глубинке, не говоря уже о регионах Северного Кавказа. По данным «Независимой газеты», «В последние 20 лет население стягивается в Центральный федеральный округ, прежде всего - в столичный регион, миграционный прирост на 70-80% складывается за счет притока населения из других регионов страны, в первую очередь из самого Центрального округа». При этом положение «русских гастарбайтеров» зачастую не лучше, чем у их собратьев из Средней Азии, как показывает получившая скандальную известность история работниц шоколадного концерна «Бабаевский». Таким образом, рецепт, предлагаемый ультраправыми, состоит не в искоренении нищеты и преступности, а в их русификации.

Столь же бесполезной является и система квотирования. На практике она ведет лишь к увеличению доли нелегалов, что наглядно продемонстрировала ситуация 2008 года, когда резкое сокращение квот в одночасье вывело из правового поля тысячи иностранцев. Как справедливо отмечает ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ-ВШЭ Никита Мкртчян, «Квотирование... не выполняет ни одной из функций, на него возложено. Оно не защищает национальный рынок труда, потому что все те, кто не вписываются в квоту, пополняют ряды нелегалов — самой бесправной, низкооплачиваемой, а следовательно, самой привлекательной для бизнеса рабочей силы, де-факто присутствующей на рынке... Иностранцев нужно столько, сколько их на рынке присутствует, если суммировать легальный и нелегальный сегмент. Большинство трудовых мигрантов едут на готовое рабочее место, по предварительной договоренности с работодателем или его посредником — «бригадиром». Мало таких, кто будет покупать дорогой билет, например, из Таджикистана, собирать по родственникам деньги без уверенности в том, что он найдет работу». Однако и продвигаемая ФМС в пику Минздравсоцразвития отмена квотирования вряд ли приведет к каким-либо существенным переменам. Фактически эта мера – закрепление статус-кво, констатация бесполезности прежней системы. «Легализованные» или нет, мигранты останутся рабами до тех пор, пока рабство будет востребовано.

Что касается мер полицейского контроля над мигрантами, которые усиленно пропагандируют фашисты, то их бесполезность в отсутствие внятной политики, направленной на искоренение социальных причин криминала, доказывается всей историей полиции. Пьянство, наркомания, воровство, изнасилования, убийства – все эти хорошо знакомые «прелести» процветают в любом нищем социуме и безо всяких мигрантов. Вливаясь в этот социум, приезжие, разумеется, не в состоянии избежать его пороков. Впрочем, согласно данным ФМС доля иностранцев в криминальной статистике невелика – всего 3,5% от общего числа преступлений. Притом, что численность самих мигрантов составляет в России 7-12 млн. чел., т.е. 5-8% населения. Миф об ужасных, криминальных гастарбайтерах выгоден, прежде всего, нашим действительно ужасным и криминальным правоохранителям, имитирующим бурную деятельность, собирая дань с бессловесных узбеков и крышуя капиталистов-рабовладельцев, применяющих труд нелегалов.

В общественных дискуссиях о миграции левые должны вести речь не о порочных таджиках, узбеках, молдаванах или китайцах, а об огромном скоплении работающих или безработных бедняков. Очевидно, что, не уничтожив этот громадный остров унижения и нищеты, нельзя всерьез говорить о борьбе с проблемами, порождаемыми миграцией. Это означает – полный запрет заемного труда и прочих форм нестандартной занятости; повышение минимальной заработной платы до реального прожиточного минимума (во всяком случае, не меньше 15-20 тыс. руб. в зависимости от региона) с обязательством ее ежегодной индексации.

Борьба с нелегальной занятостью, разумеется, необходима. Но это должна быть борьба не с гастарбайтерами, которые в данной ситуации являются жертвами преступления, а с предпринимателями-рабовладельцами. В настоящее время наказания для работодателей, эксплуатирующих труд нелегалов – смехотворны, чего не скажешь о самих мигрантах. Вот типичная история: по результатам проверки петербургской прокуратуры компания «ЛенСпецСМУ – Комфорт», занимавшаяся строительством электростанции, оштрафована на 825 тыс. руб. за использование 47 нелегальных рабочих. Т.е. за каждого фактического раба фирма уплатила 17,5 тыс. руб. При этом сообщается, что мигранты были привлечены к административной ответственности по ст. 18.10 КоАП РФ, предусматривающей штраф от 2 до 5 тыс. руб. с возможным выдворением за пределы РФ. Однако сами же официальные лица признают, что большинство мигрантов становятся нелегалами не по своей вине. «Не все хотят, чтобы мигранты были видны в силу каких-то причин, например, если работодатель сам не участвовал в квоте или просто ему невыгодно это делать», – заявил в 2009 году пресс-секретарь ФМС г-н Полторанин, тогда еще не уволенный из ведомства за неумную заботу о «будущем белой расы» и «смешении кровей в правильном режиме».

Штрафовать и высылать нелегалов – то же самое, что карать человека, пострадавшего от мошенничества. Стоит ли после этого удивляться, что подавляющее большинство работодателей, применяющих нелегальный труд, остаются безнаказанными? Ведь, в отличие от рабочих-граждан, довольно активно обращающихся в суды и трудовую инспекцию, трудящиеся-мигранты жаловаться никуда не пойдут. А с полицией и чиновниками работодатель всегда сможет договориться.

Очевидная истина состоит в том, что если человек работает, принося пользу обществу, он должен находиться в человеческих условиях, под защитой одинакового для всех трудящихся трудового права. Если же трудовые права нарушаются, отвечать за это обязан работодатель, и никто иной. Вместо того чтобы устраивать облавы на нелегалов, содержать их в спецприемниках и, либо высылать из страны за общественный счет, либо отпускать, пополняя

армию бомжей, государство должно принудить собственника восстановить нарушенные права рабочих: обеспечить их трудовым договором, нормальным жильем, медицинской страховкой, пенсией и безопасными условиями труда.

Тем трудящимся, которые сегодня, вторя националистической пропаганде, обвиняют приезжих в отъеме рабочих мест у россиян, мы отвечаем: единственный способ ограничить приток мигрантов – поставить всех рабочих, независимо от гражданства, в абсолютно равные условия. Рабочие места отнимают не узбеки или таджики, а наживающиеся за их и наш счет капиталисты и бюрократы.

Миграцию – на службу обществу!

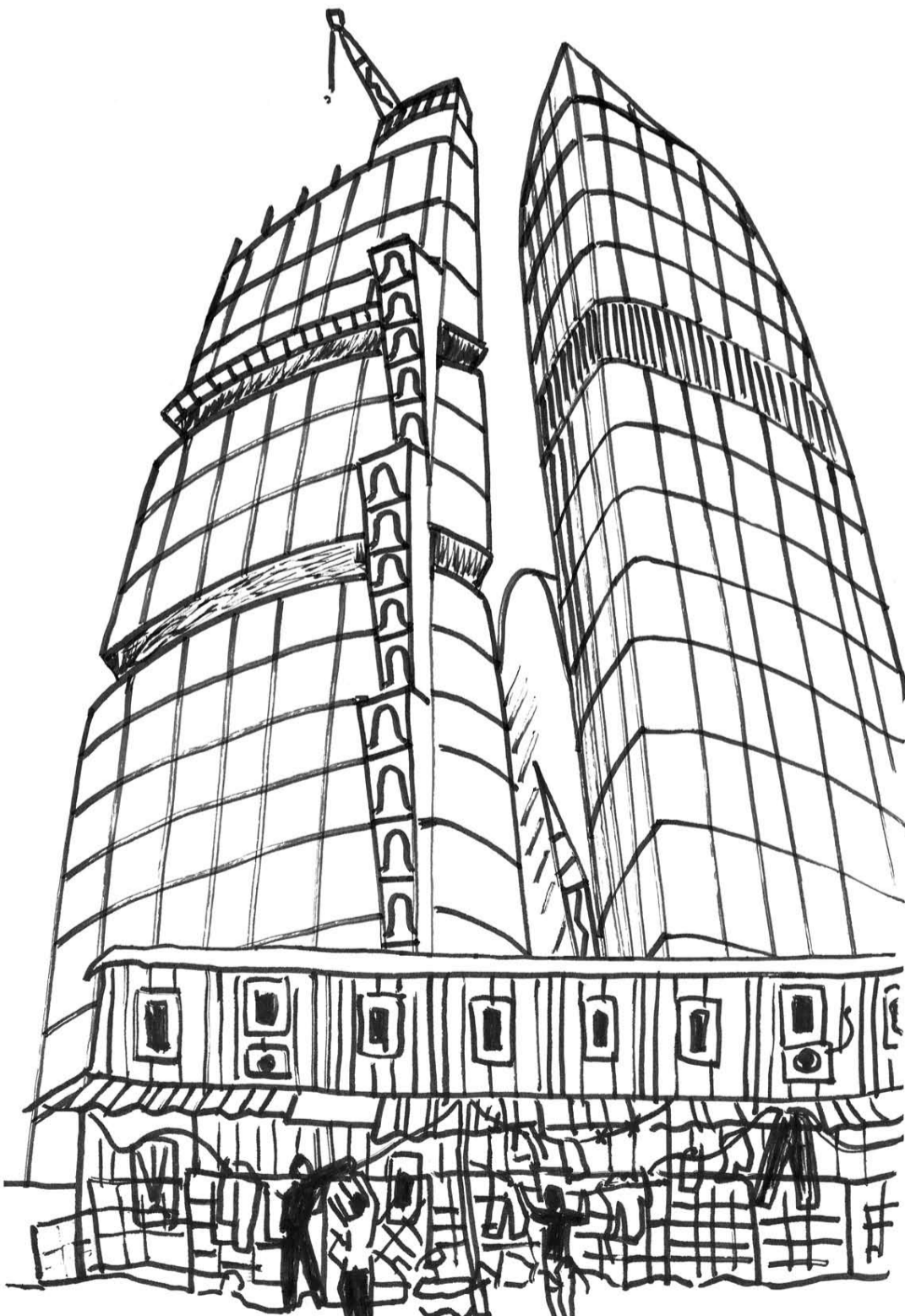
Тем фактом, что российские мегаполисы превратились в типичные центры третьего мира, где ужасающая нищета соседствует с азиатской роскошью, мы обязаны развалом СССР с его плановой экономикой и развитой социальной инфраструктурой. Миграция населения из периферийных районов в места концентрации крупной промышленности, из деревни в город, существовала всегда. И никогда она не принимала столь громадных масштабов, как в XX веке. Однако миллионы крестьян, от которых происходит подавляющее большинство современных городских жителей, не просто мигрировали в города – они впитывались растущей индустрией, так или иначе приобщались к городской культуре, образованию и прочим благам цивилизации. Какими бы ужасами ни сопровождалась сталинская индустриализация, в те годы распределение трудовых ресурсов происходило не стихийно, а планомерно. Осваивались новые территории, строились новые города и промышленные гиганты. Вчерашний крестьянин или житель бывших имперских окраин имел возможность получить знания и квалификацию, продвигаться по карьерной лестнице...

Сегодня, разумеется, все иначе. «Даже при наличии политической воли и экономических возможностей, - приводит экспертное мнение «Независимая газета», - ... отсутствуют какие-либо ориентиры, и вся «политика» в данной области сводится к ритуальным заклинаниям... Формирование полюсов роста в восточных регионах страны в обозримой перспективе связано почти исключительно с крупными проектами по освоению минерального сырья. Однако они не требуют привлечения большого числа специалистов и могут осуществляться вахтовым методом, поэтому рассчитывать на заинтересованность бизнеса также не приходится».

Новый российский капитализм, возникший на развалинах советской индустрии, предъявляет спрос не столько на квалифицированных специалистов, сколько на покорные воле хозяина руки и спины. Остановить переполнение мегаполисов нищими и полунищими людьми, питающих армию чернорабочих, безработных и деклассированных элементов можно лишь развивая экономику регионов. Необходима политика, направленная на реиндустриализацию страны, внедрение интеллектуализированных форм труда, возрождение сельского хозяйства, создание условий для переселения трудящихся из депрессивных районов в новые промышленные центры. Иными словами, переход к социалистическому плановому хозяйству. Лишь в этом случае миграция из гноящейся социальной язвы превратится в мощный рычаг прогрессивного развития страны.

текст впервые опубликован на <http://www.ikd.ru/node/17246>

Иван Овсянников, член Российского социалистического движения, профсоюзный активист

Ivan Ovsyannikov

A Leftist Response to the Immigration Question

Russian Marxists do not often raise the issue of immigration. When the latest explosion of anti-immigrant passions puts the issue on the national agenda, leftists as a rule limit themselves to general declarations in the spirit of internationalism and humanism. However, a simple refutation of xenophobic myths or stating the obvious truth that the problems associated with immigration are the product of capitalism is not enough to counter nationalist propaganda and prejudices. A program is needed that would oppose both right-wing and neoliberal “solutions” to the issue of immigration.

Divide and Conquer: Xenophobia and Labor Market Dumping

The encouragement of xenophobia amongst workers is one of the oldest and most effective strategies employed by the oppressors. How it works is easily shown by a simple example from trade union practice. A South Korean corporation that produces automotive parts built a plant in a depressed area of Russia beset by chaos and unemployment. Faced with hyper-exploitation, the violation of elementary labor rights, and the boorish attitude of their foreign and Russian managers, the workers at the plant decided to organize a trade union. Using intimidation and repressive tactics, company management squashed this attempt at self-organization, thus reducing the number of trade union members to an isolated handful of activists. However, one of the main deterrents was the threat of mass layoffs and the hiring of “guest workers.” Not content with verbal threats, plant management set about putting them into practice. Within several months, the number of immigrant workers from Central Asia at the plant had increased several times, while the hiring of local residents was practically curtailed. Hostility towards the newcomers began to mount both among the plant’s workers and in the surrounding community.

The roots of this resentment are understandable. Local workers perceive “guest workers” as unwanted competitors on the labor market. Wholly dependent on their employers and the government officials in their pockets, the immigrants are willing to work for lower pay, to slave away from dawn to dusk, on weekends and holidays. The unpretentiousness of these people from Central Asia, where the elimination of large farms and de-industrialization have led to truly appalling poverty, makes them ideal targets for exploitation.

Sensing their social superiority to these “Ravshans” and “Jamshuts” [translator’s note – Ravshan and Jamshut are immigrant-worker characters on the Russian TV satire program “Our Russia”], the locals likewise sense the total fragility of this superiority. And since the fear of job loss, the absence of successful experience in organizing collective actions, and a lack of confidence in their own strength prevent them from speaking out against their employer, their anger is directed against people who are even more downtrodden and powerless. Other – cultural – factors complicate this picture even further. Thus, the unsanitary conditions in which the immigrants often dwell (which are partly the fault of their employers, and partly due to habits imported from their homelands) often cause revulsion against them on the part of Russians. For example, at the plant we have just been discussing, local workers have demanded separate tableware for immigrants who eat in the factory canteen, for fear of contracting hepatitis and other serious illnesses. Their irritation is also aroused by the poor qualifications of the newcomers – everyone pays for substandard work and delays in meeting quotas. The language barrier, as well as the social isolation of “guest workers” from locals, also does not contribute to rapprochement between the two groups.

Is Solidarity Possible?

The classic leftist response to the challenges posed by immigrant labor is to declare that local workers and immigrants should battle

exploitation side by side, demanding equal rights, pay, and work conditions. This approach is fundamentally sound. As long as the demand for a cheap, disempowered labor force is maintained, no police measures, no quotas on the recruitment of foreign labor (which merely increase the share of illegal workers), and, of course, no nationalist terror can stop the slave trade. On the contrary, the more downtrodden and isolated from the rest of society foreigners are, the more profitable is their labor for Russian and transnational capital.

However, the simple desire for solidarity amongst workers regardless of their country of origin is clearly insufficient in order to make this solidarity a reality. There are many formidable obstacles – both objective and subjective – on the path to self-organization and protest on the part of immigrant workers, and to their recruitment into the labor movement. The first such obstacle is the weakness of militant trade unions in our country, which still have not managed to permeate any notable strata of relatively high-paid and skilled workers at modern manufacturing facilities. Much more vulnerable categories of workers – employees at failing enterprises, service industry workers, temporary workers, and immigrants – will probably be able to join the organized movement only after the more advanced strata of the working class show them successful examples of militancy and acquire enough strength to defend the class’s weakest members. However, no matter how hopeless the task of trade-union agitation amongst “guest workers” at plants with mixed workforces might seem, this work has to be done. If they fail to recruit temporary workers and immigrants to their ranks, progressive trade unions will be condemned to live under a permanent threat that will deter and even completely halt their development.

However, the foregoing considerations in no way imply that immigrants, the most oppressed segment of the working class, are incapable of independent resistance and should be regarded as “scabs” or followers. It suffices to recall the heroic 2005 strike at the Don-Stroy construction company in Moscow, as well as the other, lesser-known strikes by construction workers in Yekaterinburg (2008) and Russky Island in Primorsky Krai (2011). In many ways, these events are reminiscent of the labor protests that typified the nineties in Russia. In all these cases, the cause of work stoppage was the non-payment of wages. The strikes broke out spontaneously and did not lead to the

emergence of any sustainable forms of organization. Apparently, if protests by immigrant workers do continue to occur, then they will occur only in the form of sporadic, radical outbursts, which may affect government policy but are unlikely to have a significant impact on the development of the labor movement in Russia.

The organization of immigrant workers in manufacturing is not the only possible form of militancy, however. The problems associated with immigration concern broad sections of the Russian populace. The fact that ultra-rightists now wholly occupy this “field” should not frighten leftists away, but encourage them to advance an alternative program for solving the issue of immigration. The xenophobic rhetoric of the Movement Against Illegal Immigration (DPNI) has to be countered with a stance that we might characterize as a new abolitionism – a movement against slavery.

A New Abolitionism: Outline of a Program for the Left

The favorite “anti-fascist” argument of liberals is to point out that immigrants are useful and necessary, that they do the “menial” work that no Muscovite or Petersburgers would consent to perform. The very existence of an entire sector of labor relations in which slavery and poverty exist at a level outrageous even for hard-to-shock Russians provokes no protest on the part of liberals. They call on society to be tolerant towards the Ravshans and Jamshuts, but not more than that. In fact, aside from the greed of corporations that exploit cheap human resources from the peripheries of the former Soviet Union, there is no objective basis for the existence of this vast sector of what essentially amounts to slave labor. We hardly need to underscore the excess profits raked in by the construction sector, which is closely linked to the political elite. However, it is precisely the construction industry where the exploitation of immigrant labor has become most widespread. A similar situation can also be observed in the new industrial enterprises owned by transnational corporations. Thus, according to the Interregional Trade Union of Autoworkers (ITUA), immigrants make up seventy to eighty percent of workers employed in production at facilities in Russia that supply parts to the Hyundai plant in Petersburg – and this despite the fact that in 2011 this Korean corporation ranked first amongst foreign auto manufacturers in Russia in terms of cars sold.

When the populists from DPNI propose introducing a visa regime and securing the borders with the republics of Central Asia and Transcaucasia, they of course conveniently forget that there are depressed areas with enormous levels of unemployment within Russia itself: it suffices to recall the Russian hinterlands, not to mention the North Caucasus region. According to *Nezavisimaya Gazeta*, “Over the past twenty years, the population has flocked to the Central Federal District, primarily to the Moscow area. Seventy to eighty percent of the increase in immigration is accounted for by an influx from other regions of the country, primarily from within the Central Federal District itself.” However, the situation of “Russian guest workers” is often no better than that of their counterparts from Central Asia, as is shown by the scandalous story of how female workers are treated at the Babaevsky chocolate factory in Moscow. The prescription proposed by the far right thus amounts not to eradicating poverty and criminality, but to Russifying them.

A system of quotas is just as useless. In practice it leads only to an increase in the proportion of illegal immigrants, as was illustrated by the situation in 2008, when a sharp reduction of quotas put thousands of foreigners outside the law overnight. As Nikita Mkrtychyan, a researcher at the Institute of Demography at the Higher School of Economics in Moscow, rightly notes, “Quotas [...] do not perform any of the functions invested in them. They do not protect the domestic labor market because all workers not covered by quotas swell the ranks of illegal immigrants – the most powerless, lowest-paid and, consequently, the most attractive workforce for business, a workforce that has a de facto presence on the market. [...] The number of foreign workers that are needed is exactly the same as the number present on the market, if you add up the legal and illegal segments. The majority of immigrant laborers come to fill jobs that already exist, by prior arrangement with employers or their intermediaries, the so-called foremen. There are very few workers willing to buy an expensive ticket from, say, Tajikistan, to collect money from relatives [for the trip], without being sure that they will find work.” However, the abolition of quotas, now being pushed by the Federal Migration Service in defiance of the Ministry of Health and Social Development, is unlikely to produce any significant change. In fact, this measure would amount to a consolidation of the status quo, an admission that the previous system was useless. Whether “legalized” or not, immigrants will remain slaves as long as slavery is still in demand.

As concerns the police measures of control over immigrants strongly advocated by the fascists, they are useless in the absence of a coherent policy for eliminating the social causes of crime, as is shown by the entire history of policing. Drunkenness, drug addiction, theft, rape, and murder – all the long-familiar “charms” of modern life – flourish in any impoverished society without any help from immigrants. When they become part of such a society, newcomers are not always able to avoid its vices. According to data from the Federal Migration Service, however, the contribution of foreigners to crime statistics is small – only 3.5% of all crimes committed – although there are between seven and twelve million immigrants in Russia (that is, they constitute five to eight percent of the overall population). The myth of terrifying, criminal migrant workers is beneficial, especially to our truly terrifying and criminal law enforcement agencies, who pretend to be terribly busy fighting crime even as they collect tribute from silent Uzbeks and run protection rackets for the capitalist slave owners who employ the labor of illegal workers.

In the public debate about immigration, leftists should talk not about vicious Tajiks, Uzbeks, Moldovans or Chinese, but about the enormous numbers of the working and unemployed poor. It is obvious that without eradicating this vast island of humiliation and poverty it is impossible to talk seriously about combating the problems generated by immigration. This means a total ban on temporary and agency labor and other forms of precarious employment, and raising the minimum

wage to match the real cost of living. Depending on the region, the minimum wage should in any case be no less than fifteen to twenty thousand rubles a month [approx. 350 to 450 euros], with obligatory annual indexing for inflation.

It is necessary to combat illegal employment, of course. But this campaign should be directed not against guest workers, who in this case are victims of a crime, but against slave-owning businessmen. At present, the penalties for employers who use illegal workers are laughable, which cannot be said of the immigrants themselves. Here is a typical story. After an inspection by the Petersburg prosecutor’s office, the construction firm LenSpetsSMU-Komfort was fined 825,000 rubles [approx. 19,000 euros] for employing forty-seven illegal workers during construction of a power plant. That is, the company paid out 17,500 rubles [approx. 400 euros] for each of its virtual slaves. It is also reported, however, that the workers were prosecuted under Article 18.10 of the Russian Federation Administrative Code, which stipulates a fine of two to five thousand rubles [approx. 45 to 115 euros] and possible expulsion from the country. Even government officials, however, acknowledge that most immigrant workers become illegal through no fault of their own. “For various reasons, not everyone wants the immigrants to be visible – for example, when an employer did not participate in the quota or it is simply not to his advantage to do this,” said Federal Migration Service spokesman Konstantin Poltoranin in 2009 (that is, before he was fired from the agency for his tireless concern over the “survival of the white race” and the “proper mixing of blood”).

Fining and deporting illegal immigrant workers is tantamount to punishing a victim of fraud. Is it any wonder that the vast majority of employers who use illegal labor go unpunished? For, unlike Russian workers, who fairly regularly appeal to the courts and the labor inspectorate, immigrant workers do not file complaints against their employers, who can always come to an understanding with police and bureaucrats.

It is an obvious truth that if a person works (and thus benefits society), he or she should work in humane conditions and be protected by labor laws that are identical for all working people. If labor laws are violated, then it is the employer who should be held responsible for the violation, and no one else. Instead of rounding up illegal immigrants, holding them in detention centers, and either deporting them at public expense or releasing them so that they can join the army of the homeless, the government should force their “owners” to restore the violated rights of workers: to provide them with a work contract, decent housing, medical insurance, a pension, and safe working conditions.

To the working people who today, echoing nationalist propaganda, accuse the newcomers of taking jobs away from Russian citizens, we reply: the only way to limit the influx of immigrants is to provide absolutely equal conditions for all workers, whether they are citizens or not. It is not Uzbeks or Tajiks who take away our jobs, but the capitalists and bureaucrats who profit at their and our expense.

Immigration Should Serve Society

We owe the fact that Russia’s major cities have turned into typical Third World capitals, where grinding poverty exists side by side with Asiatic luxury, to the collapse of the Soviet Union, along with its planned economy and well-developed social infrastructure. Migration from peripheral regions to places where heavy industry is concentrated, from the countryside to the towns and cities, has always existed, and it was never more massive in scale than during the twentieth century. However, the millions of peasants who were the ancestors of the majority of today’s city dwellers did not merely migrate to the cities. They were absorbed by the growing industrial sector and integrated into urban culture. They were provided with education and the other benefits of civilization. Whatever the horrors that accompanied the Stalinist

industrialization, during that time the allocation of labor resources did not occur spontaneously, but according to plan. New regions of the country were explored and developed; new cities and gigantic industrial complexes were built. Yesterday’s peasants and residents of the former imperial hinterlands were given the chance to receive an education and job skills, to move up the career ladder.

Today, of course, everything is different. As *Nezavisimaya Gazeta* writes, “Even given the political will and economic opportunities [...] there are no benchmarks of any kind, and ‘policy’ in this area is entirely reduced to ritual incantations. [...] In the foreseeable future, the formation of poles of growth in the country’s eastern regions will be almost exclusively due to large-scale projects for the extraction of mineral resources. However, these do not require the hiring of large numbers of specialists and can be implemented using workers on a rotational basis. So there is likewise no point in counting on business having a stake [in solving the problems associated with immigrant labor].” The new Russian capitalism, which emerged from the ruins of Soviet industry, requires skilled specialists less than it does arms and backs obedient to their master’s will. We can stop our large cities from overflowing with beggars and semi-impoverished people, and from nourishing an army of menial laborers, the unemployed, and déclassé elements, only by developing the economies of our country’s regions. We need a policy aimed at re-industrializing the country, a policy that introduces intellectualized forms of labor, revives agriculture, and creates conditions from relocating workers from depressed areas to new industrial centers. In other words, we need to make the transition to a socialist planned economy. Only in this case can immigration be transformed from a festering societal sore into a powerful lever for our country’s progressive development.

Ivan Ovsyannikov is a member of Russian Socialist Movement and trade union activist. Lives in St Petersburg

Фома Кэмпбелл

«Кардиффский альбом» персидского посла

Родившийся в г. Лерике, Азербайджан, в 1959 году, Баби (Бабахан) Бадалов являет собой живое воплощение того темного и уязвимого подбрюшья космополитизма, которому при этом присуща спонтанная открытость и добродушие. В его мире люди не передвигаются из одной страны в другую с гламурной непринужденностью, небрежно раскрывая свои паспорта и беспрепятственно пересекая границы, не перескакивают с легкостью с одного языка на другой, демонстрируя безукоризненное произношение и благородство манер. Наоборот, будучи беженцем, изгнанником, рабочим-мигрантом или странствующим художником, ты вынужден осуществлять массу усилий при подобных перемещениях, используя смесь наполовину выученных новых идиом с полужабитыми наречиями тех стран, где побывал, добавляя к этому воспоминания о родном языке, которому не суждено было повзрослеть. Потому что в нежном возрасте ты покинул свою деревню в горах, уехав в столицы, где сложно встретить земляка, тем более такого, с кем тебе было бы о чем поговорить. В столице провинции, ты учишь официальный язык искусственно созданной нации наряду с (не)официальным языком антиимпериалистической империи. И ни тот, ни другой язык не станет твоим, оба будут вызывать подозрение (о тебе самом и о них самих). Безусловно, в этом было насилие, но ты обратил это насилие против него самого, так и не выучив до конца ни один из этих кодов достаточно хорошо, чтобы выдавать себя за местного. В слове «местный», кроме всего прочего, отчетливо звучит наивность – такая самоидентификация мрачно и самодовольно навязывается как и извне, так и изнутри. Если ты – художник (неважно, жизни или кисти), слишком частое подчинение такому «установлению личности» ведет к скатыванию в китч и клише.

Конечно, ты подчиняешься – ты не можешь не подчиняться: в конце концов ты художник, а не боец – но раз поддавшись, ты всегда заходишь слишком далеко, впуская ложь в бесконечную цепочку самоидентификации, выражающейся в конце концов в человеческой речи, которая, как говорит нам Лакан и другие, является бесчувственной машиной, поддерживающей и сверхдетерминирующей наши явно нелепые стремления к самоидентичности. Тебе не так уж необходим Лакан для осознания этого утверждения, поскольку ты каждый день сталкиваешься с его внешними эффектами – маскирующимися под реальных людей в реальной жизни, которые могут выглядеть жестокими или бесчувственными или даже добрыми, но редко являются чем-то большим, чем машинами речи. В своих стихотворениях, ты разбираешь на части эти машины, громоздя из остатков кучи слов и строк и собирая их затем вопреки здравому смыслу, хорошему вкусу и законам искусства. Ты делаешь вещи и похуже. Ты делаешь все слова неправильными: произносишь их с неверным акцентом; путаешь времена, окончания и стилистические регистры. Ты незаконно используешь латинский алфавит для написания русских слов, и большинство твоих русских текстов содержат слишком много английских слов. Когда ты декларируешь свои стихи, вслух и громко, в полных табачного дыма комнатах, переполненных квази-националистами-алкоголиками или создаешь их при помощи клея и ножниц в своих коллажах, становится трудно избавиться от ощущения, что какой-то сломавшийся робот с острова отвергнутых игрушек прибыл к нам рассказать о том, о чем мы не хотим слышать – что все наши проекты по строительству империй и наций рухнули.

Твое искусство политическое, персональное и политически (не) корректное. Это то, что Адорно именовал автономией искусства, но если бы он встретил тебя, он вероятно в ужасе бросился бы прочь, как он сделал, когда полные благих намерений немецкие студенты пригласили его присоединиться к ним на баррикадах.

Ты просишь нас присоединиться к тебе на баррикадах, но на что похожа подобная солидарность оттуда? Вот на что. В течении многих лет, ты жил в ужасных условиях в величественном сквоте в центре Петербурга. Снаружи, в сквере, стоял и стоит памятник величайшему из всех афро-американских поэтов, Александру Пушкину. Твои собратья по оружию оказались художниками вне закона и моральных норм, и их амбициозная неамбициозность в финале привела к тому, что их маленький остров был захвачен новой властью, для которой искусство оказалось просто прикрытием махинаций с финансами и недвижимостью. Так что когда этот эксперимент по прямой демократии провалился, ты по просьбе твоей семьи вернулся «на родину», в Азербайджан, и стал жить правильной, супружеской жизнью. Мне почти невозможно это представить: для меня ты самый гейский гей на планете, во всех смыслах этого слова. Когда ситуация стала невыносима, ты использовал оставшуюся половину двукратной визы и улетел

в Англию, в эту зеленую и прекрасную страну, которая могла бы быть более скучным местом и не обрести свою историю без искателей приключений вроде тебя.

Но ты спланировал свое приключение неправильно, так же неправильно, как ты пишешь свои стихи. Ты попросил убежище сразу по прибытии, но в ново-лейбористской Англии – в разгар войны с террором, которая открыла непрерывную линию фронта в середине страны – ты предстал одновременно потенциальным противником и неясным объектом бюрократического желания. В первом центре для попросивших убежище (тюрьме), куда тебя поместили, вспыхнуло восстание – с низко летящими вертолетами, паникой в прессе и вооруженной полицией. Когда ты позднее рассказывал эту историю, она звучала смешно, хотя, конечно, ничего смешного в ней не было. После большого тура по Британии с небольшими остановками в нескольких подобных же оазисах, тобой наконец занялись официально и ты был направлен в Кардифф, где тебе дали маленькое пособие и комнату в социальном доме. Все выглядело вполне цивилизованно, за исключением еженедельных проверок английских пограничников, более или менее постоянных угроз высылки, и изматывающей нищеты. Все это, однако, не угнетало тебя – более того, ты превратил все в искусство. В какое искусство? В куклы, сделанные из обрывков тряпок; собак, изготовленных из изношенных резиновых сапог; и «визуальных поэм», собранных из обрывков плакатов и печатных изданий, украшенных неровными завитками безумного лингвистического бреда, нашего же убежища между страниц старого фотоальбома, найденного тобой в мусорном баке.

Это и есть Кардиффский альбом, он же дневник твоего путешествия по закоулкам иммиграционной политики Соединенного королевства. Ты – персидский посол (роль которого ты играл на вечере солидарности с Салманом Рушди в помещении бывшего персидского посольства в Петербурге в 1995 г.), но чудеса, описанные тобой во время твоих визитов в неведомые страны, ни на что так не похоже, как на конец истории, совершающей свою месть над последними романтиками. Твои посольские полномочия были признаны только группой разношерстных уэльских анархистов, сделавших тебя местной знаменитостью, несмотря на то, что знаменит ты был только в сознании людей, с которыми сталкивался во время своих странствий и на «альтернативных» азербайджанских новостных сайтах, страдающих от недостатка новостей. Когда стало очевидно, что тебя депортируют, первая часть этого «неработающего сообщества» принялась бомбардировать бюрократов, парламентариев и работников авиакомпаний факсами, письмами и электронными посланиями.

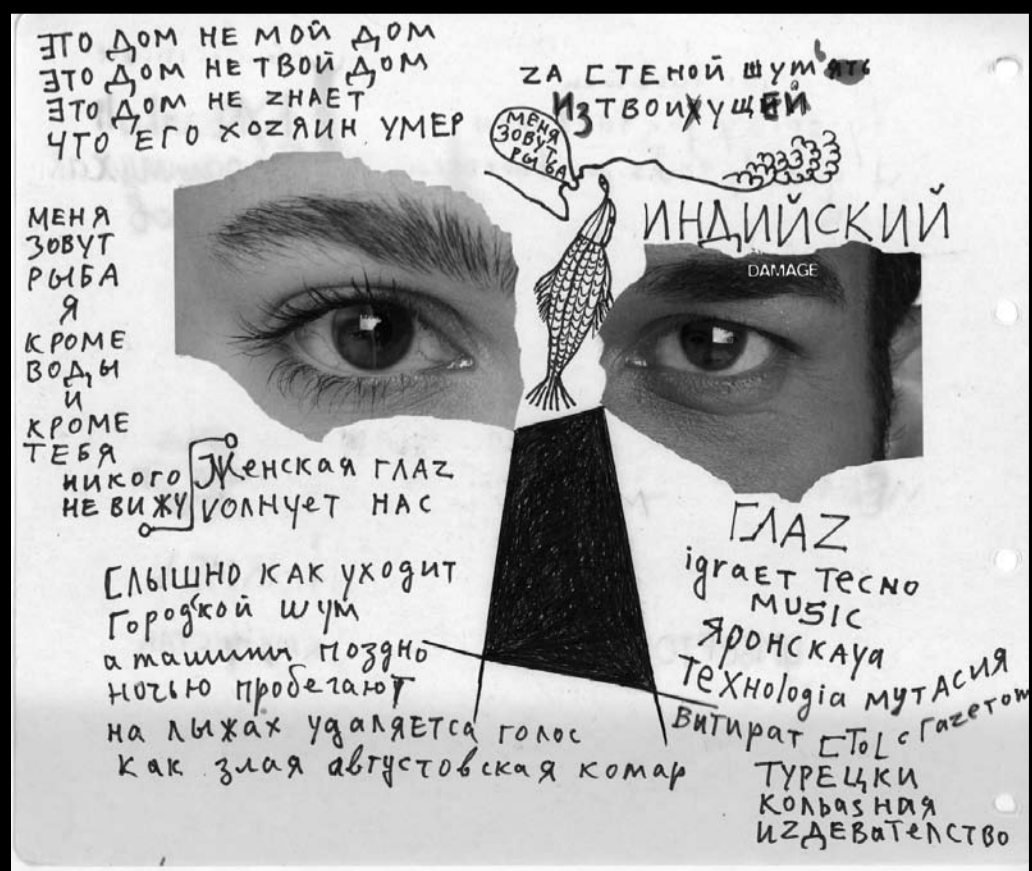
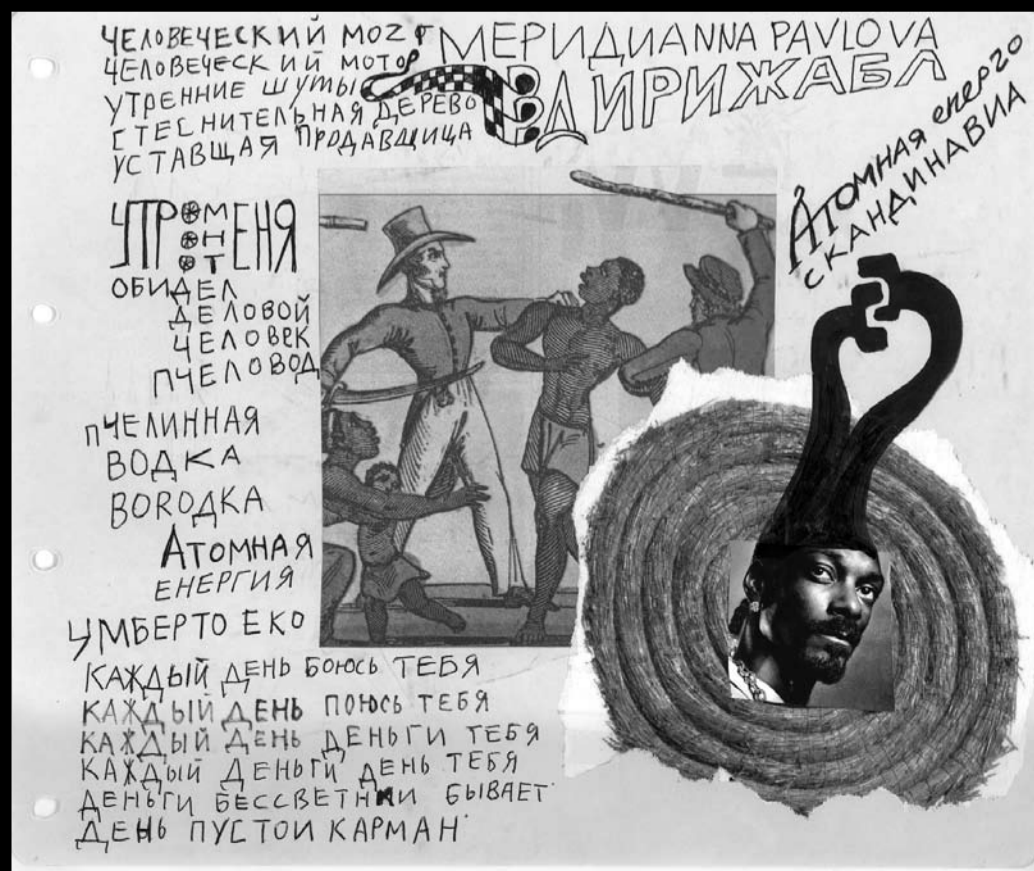
Я не видел тебя в течении нескольких лет, и не хотел увидеть снова при таких обстоятельствах, поэтому я провел полчаса в телефонных переговорах с пакистанцем (или он был из Бангладеш?) – оператором центра по работе с клиентами, убеждая его, как представителя авиакомпании, не участвовать в ужасном преступлении против человеческой свободы, которая его авиакомпания готова была совершить. Я убеждал его встать из-за стола и покинуть рабочее место. Какое я имею право говорить ему подобное? Права не дают, права берут. (Говорил ли это Бакунин? Или это был Кропоткин? Или все-таки Горький? Или может быть никто не говорил этого?)

Несмотря на то, что я не хотел увидеть тебя снова таким образом, я встретился-таки с тобой через пару дней после моего идиотского разговора с твоим умным не-братом иммигрантом. Я и ты не имеем ничего общего между собой, так же как никто, в реальности, не имеет ничего общего с кем-либо другим. Это очень плохо, что большинство людей не осознают этого печального, счастливого факта. Если бы больше людей его осознали, они могли бы действительно начать что-то делать сообща.

Перевод с английского Игоря Хадикова

Примечания автора: Полная русская версия этого текста была опубликована в журнале Кабинет «Картина Мира III (Санкт-Петербург, Skifua-print, 2010). Благодарность Баби Бадалову, Виктору Мазину и Игорю Хадикову за разрешение опубликовать этот материал

Графика: Баби Бадалов из *Cardiff Album*, 2008

Thomas Campbell

The Persian Ambassador's Cardiff Album

Born in Lerik, Azerbaijan, in 1959, Babi (Babakhan) Badalov is a living embodiment of cosmopolitanism's dark and spontaneously convivial underbelly. In his world, people do not travel from one country to another with polished ease, flashing their passports to the guards as they pass effortlessly through frontiers and effecting the shift from one language to another with fluency and grace. On the contrary, when you are a refugee, exile, migrant worker or itinerant artist, you manage these transitions as best you can, mangling the new idioms you learn and fusing them with half-remembered tongues you picked up along the way, mingling them with memories of a mother tongue that never matured into adulthood because at a tender age you left your mountain village for the capitals, where encounters with countrymen were few and furtive and somewhat beside the point. In the provincial capital, you learned the official language of artificial nationhood along with the (un)official language of the anti-imperial empire, neither of them your own, both of them suspicious (of you and of themselves). This was violence to be sure, but you turned this violence back upon itself, never fully learning any of these codes well enough to pass for a native. Nativity, after all, is naïveté, an identification both outwardly enforced and grimly self-willed. For an artist, whether of life or the brush, submitting to too many of these identity checks means submitting to kitsch and cliché.

Of course you submit to these as well—you cannot help but submit: you are an artist, not a fighter—but when you succumb you always go too far, giving the lie to the endlessly tautological chains of self-identity that pass for human speech, which, as Lacan and others tell us, is the inhuman machinery that undergirds and overdetermines our visibly silly search for selfhood. You do not need Lacan to tell you this, though, because you are confronted daily with its external effects, masked as real people in real lifeworlds, who are kind or cruel or indifferent but rarely anything other than language machines. In your poems, you disassemble these machines, heap their parts into great, disorderly piles, and then begin putting them back together in defiance of common sense and good taste and the rules of art. It is worse than that. You get the words all wrong: you pronounce them with the wrong accent; you confuse tenses, case endings, conjugations, and registers. You use, illicitly, the Latin alphabet when you write in Russian, and most of your Russian texts are chockablock with English. When you declaim your poems, whether aloud, in a smoke-filled room crowded with alcoholic crypto-nationalists, or with paste and scissors, as in your collages, it is hard not to escape the impression that a faulty robot has arrived from the island of misfit toys to tell us something we would rather not hear—that all our projects of empire- and nation-building have failed.

Your art is political, personal and politically (in)correct. This is what Adorno meant by the autonomy of art, but if he had met you he probably would have turned away in horror, as he did when his well-meaning German students enjoined him to join them on the barricades.

You ask us to join you on the barricades, but what does solidarity look like from there? It looks like this. For years, you live in wretched conditions in a magnificent squat in the middle of Petersburg. Outside, in the square, stands a monument to the greatest African-American poet of them all, Alexander Pushkin. Your comrades-in-arms are artistic scapegrace outlaws, and their ambitiously unambitious version of conviviality will finally lead to their tiny island's recuperation by the new powers that be, for whom art is just window dressing for real estate and financial speculation. So when this experiment in direct democracy goes awry, you are induced by your family to return to your "homeland" of Azerbaijan and live the straight life. This is almost too much for me to imagine: for me you are the gayest man on the planet, in all senses of the word. When this becomes unbearable, you use the second half of a double-entry visa to make your way to England, that green and pleasant land that would have been a much duller place throughout its history without adventurers like you.

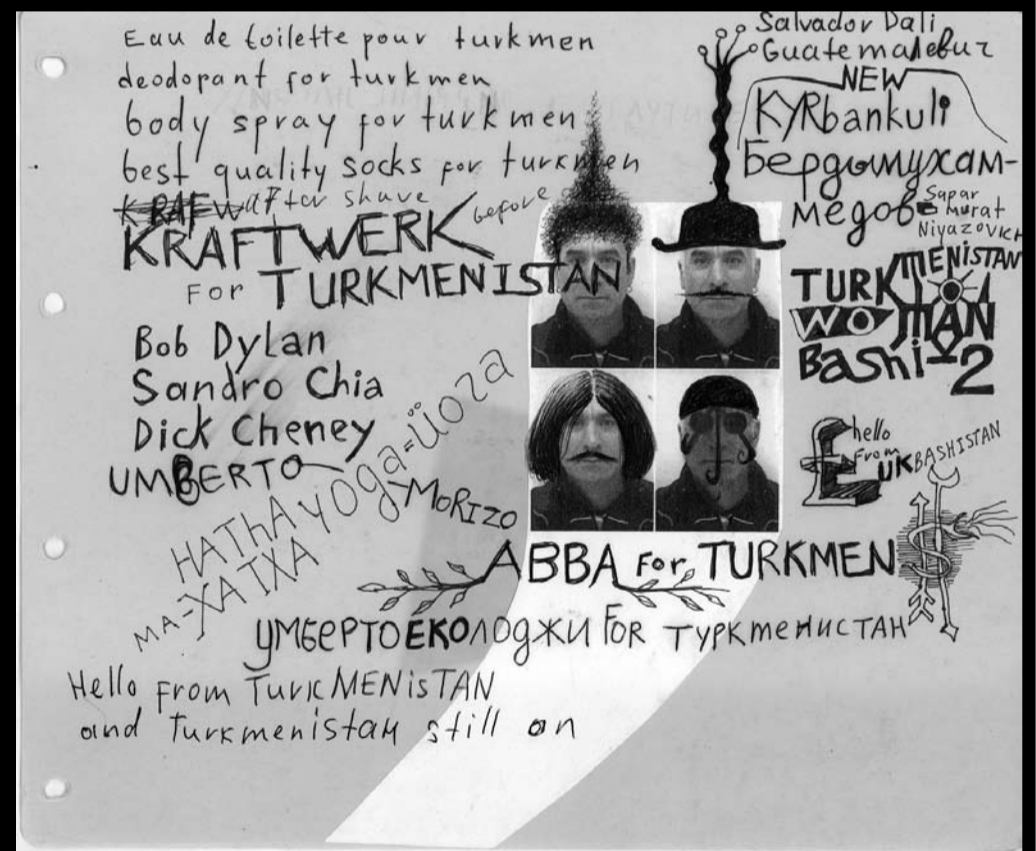
But you plan this particular adventure all wrong, just as you write poetry the wrong way. You declare asylum as soon as you arrive, but in the New Labour UK—in the midst of a war on terror that has also opened a front running straight down the middle of the country—you are treated both as a potential combatant and an obscure object of bureaucratic desire. At the first asylum center (prison) they send you to, a riot—complete with helicopters, media coverage, and armored police—breaks out. When you tell the story later, it is quite funny, though of course there is nothing funny about it. After a grand tour of Britain with brief sojourns in another few such oases, your case is officially accepted for review and you are dispatched to Cardiff, where you are given a tiny stipend and a council flat. It is all very civil, except for the weekly check-ins with the UK Border Agency, the more or less constant threat of deportation, and the grinding poverty. That does not faze you, however; or rather it does, but you turn that fazing into art. What kind of art? Dolls made from scraps of fabric; dogs fashioned from Wellington boots; and "visual poems" patched together from clippings and other printed detritus, embroidered with whorls of off-kilter, ham-fisted linguistic ravings, and asylumed on the pages of an old photo album you pick out of a rubbish bin.

This is the Cardiff Album, the diary of your journey through the underside of UK immigration policy. You are the Persian Ambassador (a role you played at an evening in solidarity with Salman Rushdie held in the former Persian Embassy in Petersburg in 1995), but the marvels you record on your visits to strange lands look like nothing so much as the end of history having its revenge on the last romantics. Your ambassadorial credentials are recognized only by a ragtag band of Welsh anarchists who make your case their cause célèbre, even though you are a celebrity only in the minds of the people you have stitched together in your wanderings and in "alternative" Azeri news outlets starved for news. When it looks certain that you will be deported, the first half of this inoperative community begins bombarding bureaucrats, parliamentarians, and airline officials with faxes, letters, and e-mails. I have not seen you for years, but I would rather not see you again in such circumstances, so I spend half an hour on the phone telling a Pakistani (or was he Bangladeshi?) call center operator that he should not be party to this horrible crime against human freedom that his airline is about to commit. I tell him to get up from his desk and leave work. What right did I have to tell him that? Rights are not given, they are taken. (Did Bakunin say that? Or was it Kropotkin? Or perhaps it was Gorky? Or maybe no one said it?)

Much as I would rather not see you again, see you I do a couple days after my stupid conversation with your cleverer immigrant non-brother. You and I have nothing in common, just as no one really has anything in common with anyone else. It is too bad that more people do not realize this sad, happy fact. If more people did, they might actually be able to begin making something in common.

NB. The full Russian version of this text was published in Viktor Mazin, ed., *Kabinet lu: Kartiny mira III* (Saint Petersburg: Skifiya-print, 2010). An abridged English version was published in Babi Badalov, *Menilmontant Book* (Murcia, Spain: Manifesta 8 & transit.cz, 2010). We thank Viktor Mazin, Babi Badalov and Igor Khadikov for permission to reprint this material here.

Graphics: Babi Badalov from *Cardiff Album*, 2008

... Я укажу вам восемь посильных пунктов. Это не какая-то программа, не перечень, это таблица возможностей, таблица, естественно, абстрактная и неполная.

Пункт 1. Принять то, что работающие здесь рабочие являются здесьними, что их должно одинаково уважать, питать почтение к ним как таковым, особенно это касается рабочих иностранного происхождения.

Вопрос это существенный, размах его настоящих последствий еще не осознан во всех его измерениях: восстановить означающее «рабочий» в политическом дискурсе-действии. Нет, не в соответствии с той линией, что доминировала в XIX в., на первом этапе коммунистической гипотезы (рабочий класс как главная движущая сила естественного исторического движения к освобождению всего Человечества). И не в соответствии с той, что доминировала в XX в., на втором этапе коммунистической гипотезы (единая партия рабочего класса, единое и обязательное руководство революционной политикой, затем — в форме государственной партии — исключительный орган диктатуры пролетариата). Но в соответствии с третьей линией, находящейся на стадии эксперимента: «рабочий» как родовое имя для всего того, что может уклониться — в организованной форме — от установившейся гегемонии финансового капитала и его прислужников.

То есть, скажите для начала, это и будет ваш пункт: «Рабочие иностранного происхождения должны быть признаны государством как свободные подданные. Более того, они как таковые достойны почтения. Выстроим ряд процедур, направленных не только на то, чтобы были защищены они сами, их семьи и их дети, но и на то, чтобы эти рабочие могли организовать как политическая народная сила, чтобы буквально каждый — пусть даже из спасительного опасения перед этой силой — рассматривал их как свободных подданных этой страны, ее чество. Да, воздадим им честь!в том же духе действовал и сам Маркс: я буду чествовать рабочих, у них ничего нет, они считаются опасным классом, я буду их чествовать, участвовать в их организациях (Первый интернационал), поскольку это они составляют главную движущую силу Истории освобождения, это они главные строители равноправного общества. Каков бы ни был тот уровень, на котором мы можем сегодня как-то по-новому сделать этот жест, мы его сделаем. Отбросим прочь приговор Саркози и его крыс, который с высоты своего реакционного ничтожества заявляет, что этого малийца-мойщика посуды здесь только терпят и что он должен выполнить множество условий, чтобы просто остаться там, где сейчас находится. Выстроим, в пику времени мнения, коллективную длительность, внутри которой малиец-мойщик посуды не только получит признание в качестве свободного субъекта, но и будет особым образом чествоваться.

У нас есть опоры, чтобы твердо стоять на этом пункте.

Ален Бадью. Что именуется именем Саркози
перевод с французского С. Фокина, АИК 2008

I shall put you on the track of eight practicable points. This is neither a programme nor a list, but rather a table of possibilities, naturally abstract and incomplete.

Point 1. Assume that all workers labouring here belong here, and must be treated on a basis of equality, and respected accordingly — indeed honoured — especially workers of foreign origin. This is an essential question, its direct consequences having a scope whose various dimensions have not yet been fully explored: to re-establish the signifier ‘worker’ in the speech and action of politics. Not, indeed, in the line that prevailed in the nineteenth century, that of the first epoch of the communist hypothesis (the working class, motive element of the natural historical movement towards the emancipation of humanity as a whole). Nor in that prevalent in the twentieth century, that of the second epoch of the communist hypothesis (the party of the working class, unique and indispensable leadership for revolutionary politics, and then exclusive organ of the dictatorship of the proletariat, in the form of the party-state). But in a third line that is still at an experimental stage: ‘worker’ as the generic name for all who can withdraw themselves, in an organized way, from the realized hegemony of financial capital and its servants.

Let us start by saying, and this would be your fixed point: ‘Workers of foreign origin must be recognized by the state as free subjects. They must actually be honoured as such. Let us construct a set of procedures that not only aim to protect these workers, these families and these children, but also organize them as a popular political power so that everyone, even if only from a healthy fear of their strength, considers them as free subjects and a tribute to this country. Yes, they should be honoured.[...]’ We have to be able to incorporate ourselves into a movement of the transvaluation of established values. There are moments when one must be able to assert a reversal of imposed appearances. We must have the liberty to say, wagering on the thought and action of politics, that many of those who are persecuted should absolutely be honoured — not because they are persecuted (that is the abomination of the humanitarianism and charity, the opium of the petty bourgeoisie), but because in the name of all of us they organize the assertion of a different conception of human life. This was Marx’s own gesture: these workers, who have nothing and are considered the dangerous class, I am going to honour, and actively take part in organizing them (the First International), inasmuch as they are the collective motor of the history of emancipation, the main builders of an egalitarian society. In whatever new ways we can repeat this gesture today, we shall do so. We shall reject the verdict of Sarkozy and his rats, declaring from the height of his reactionary insignificance that the Malian dishwasher is no more than tolerated, and must fulfil a countless number of conditions simply to be allowed to remain where he is. We shall construct, at variance with the time of public opinion, a collective duration within which not only will the Malian dishwasher gain recognition as a free subject, but he will be particularly honoured. There is no lack of support for holding on to this point.

Alain Badiou, *The Meaning of Sarkozy*, trans. David Fernbach
(Verso: London and New York, 2008)

Газета выходит в рамках международной выставки видеоарта о миграционной культуре "Навстречу другому" (Художники: Мике Бал/Нидерланды и коллектив Что Делать?/Россия) /11-29 октября 2011; Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость /// Организаторы: Голландский институт в Санкт-Петербурге (www.nispb.ru); Творческое объединение кураторов ТОК (www.tok-spb.org) /// Газета создана при финансовой поддержке Голландского института в Санкт-Петербурге

This issue is published as a part of an International Exhibition on Migratory culture "Towards the Other" (Artists: Mieke Bal/Netherlands and Chto Delat?/Russia)

The State Museum of History of St Petersburg, Peter and Paul Fortress

Organizers: The Netherlands Institute in St Petersburg (www.nispb.ru) and Creative Association of Curators TOK (www.tok-spb.org)

This issue is kindly supported by The Netherlands Institute in St Petersburg

ГОЛЛАНДСКИЙ ИНСТИТУТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

творческое
объединение
кураторов

редактор и производство / editor and production: Дмитрий Виленский / Dmitry Vilensky

дизайн / layout: Дмитрий Виленский и Цапля (О. Егорова) /// Dmitry Vilensky and Tsaplya (Olga Egorova)

графика / graphic works: Виктория Ломаско / Victoria Lomasko и Ольга Житлина / Olga Zitlina

перевод на русский язык: Александр Скидан // translations Russian - English: Thomas Campbell

благодарность / thanks: Институту Коллективных Действий (www.ikd.ru) за публикации по вопросам миграции

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом. Работа платформы осуществляется через сеть коллективных инициатив и их диалог с интернациональным контекстом.

Founded in early 2003 in Petersburg, the platform “Chto delat?” is a collective initiative that is aimed at creation and developing a dialogue between theory, art, and activism and about the place of art and poetics in this process.

подробности на сайте | see more at www.chtodelat.org /// contact:

info@chtodelat.org / dmyvilensky@gmail.com

